Философия науки и техники
2019. Т. 24. № 1. С. 7–45
УДК 167.0

Philosophy of Science and Technology
2019, vol. 24, no. 1, pp. 7–45
DOI: 10.21146/2413-9084-2019-24-1-7-45

НАУКА, ТЕХНИКА, ОБЩЕСТВО

Коэволюция науки и культуры в трудах Вячеслава Семеновича Степина Материалы «круглого стола»

Участники:

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: varshinov@mail.ru

Блюхер Федор Николаевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором проблем социальных и гуманитарных наук. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: obluher@gmail.com

Буданов Владимир Григорьевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором междисциплинарных проблем научно-технического развития. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: bvg55@yandex.ru

Бургете Аяла Марина Рикардовна – научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: burguete@mail.ru

Васюков Владимир Леонидович – доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и философии науки. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vasyukov4@gmail.com

Герасимова Ирина Алексеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: home_gera@mail.ru

Гурко Сергей Львович – научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sgourko@gmail.com

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович – доктор философских наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института философии РАН. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: guseinov@iph.ras.ru

Киященко Лариса Павловна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: larisaki@yasenevo.ru

Кузнецова Наталия Ивановна – доктор философских наук, профессор. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6; главный научный сотрудник; Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Российская Федерация, 125315, г. Москва, ул. Балтийская, д. 14; e-mail: cap-cap@inbox.ru

Лекторский Владислав Александрович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; заведующий кафедрой эпистемологии и логики. Государственный академический университет гуманитарных наук. Российская Федерация, 119049, г. Москва, Мароновский пер., д. 26; v.a.lektorski@gmail.com

Лепский Владимир Евгеньевич – доктор психологических наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: lepsky@tm-net.ru

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: rozinvm@gmail.com

Свирский Яков Иосифович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: svirskhome@yandex.ru

Смирнов Андрей Вадимович – доктор философских наук, академик РАН, директор Института философии РАН. Институт философии РАН. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: asmirnov@iph.ras.ru

Смирнова Наталия Михайловна – доктор философских наук, профессор, руководитель сектора философских проблем творчества. Институт философии РАН. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: nsmirnova17@gmail.com

Чешев Владислав Васильевич – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский Томский государственный университет. Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36; e-mail: vladislav.tcheschev@yandex.ru

22 января 2019 г. в Институте философии РАН состоялся круглый стол, посвященный памяти Вячеслава Семеновича Степина. Организатором выступил сектор междисциплинарных проблем научно-технического развития, в создании которого В.С. Степин принимал деятельностное участие и с которым тесно сотрудничал. К обсуждению были предложены три крупные темы, над которыми работал В.С. Степин: 1) проблемы кризиса техногенной цивилизации и перспективы конвергенции естественно-научного и гуманитарного знания; 2) эволюция представлений о типах научной рациональности в контексте становления современного технологического уклада; 3) универсалии культуры и их роль в формировании сценариев развития глобального мира. Выступления участников дискуссии демонстрируют не только целостность разносторонних исследовательских интересов В.С. Степина и его наследия, но и разнообразие направлений и контекстов, в которых идеи и концепции, составляющие это наследие, находят или, как ожидается, найдут применение. В выступлениях участников круглого стола отражены не только итоговые достижения В.С. Степина по обсуждаемым вопросам, но и эволюция их возникновения, стиль и методы творческой лаборатории мастера, его

личностные позиции и пристрастия в науке и общении с коллегами и учениками. Мы узнаем много из раннего периода жизни и творчества ученого, его круге общения и становлении научных интересов философов науки эпохи «бури и натиска» шестидесятых. Обсуждается идея мегапроекта единой методологии для наук о природе и наук о духе, осуществление которого В.С. Степин считал своей сверхзадачей последние десять лет жизни.

Ключевые слова: В.С. Степин, постнеклассика, типы научной рациональности, универсалии культуры, техногенная цивилизация, синергетика, междисциплинарность, сложность, философия науки, методология

В.Г. Буданов. Наш круглый стол посвящен памяти Вячеслава Семеновича Степина – выдающегося философа и организатора науки, нашего товарища и учителя, академика Российской академии наук и признанного в мировом сообществе авторитета в философии науки. Составляя перечень тем для обсуждения, мы ограничились наиболее, на наш взгляд, актуальными и особенно близкими нашему сектору междисциплинарных проблем научно-технического развития. Состав участников подбирался из числа философов, на протяжении многих лет сотрудничавших с Вячеславом Семеновичем в разработке обозначенных вопросов. Мы приносим извинения тем, кто не смог принять участие в этом мероприятии по причине жестких временных лимитов, в которые мы были поставлены. Конечно, мы не сможем затронуть все значимые направления, над которыми работал Вячеслав Семенович, личность возрожденческого масштаба и дарований. Но, уверен, это будет сделано в дальнейшем, в том числе в рамках предстоящих Степинских чтений. В первую очередь предоставляю слово научному руководителю нашего института, академику РАН Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову, человеку, более 20 лет разделявшему с Вячеславом Семеновичем труды по сохранению института и отечественной философии, его другу и единомышленнику.

А.А. Гусейнов. Обсуждение достижений Степина-ученого для нас, его коллег и товарищей, естественным образом оказывается одновременно воспоминанием о Степине-человеке – яркой самобытной личности. Его идеи и концепции, которые, разумеется, имеют объективное значение и вписаны в логику развития соответствующих областей философского знания, невольно воспринимаются нами также в контексте его биографии, сквозь призму наших взаимоотношений с ним, живых человеческих ситуаций. И это не только потому, что сегодняшний разговор о творчестве академика Вячеслава Семеновича Степина происходит под знаком еще живых непосредственных переживаний в связи с его неожиданным уходом из жизни. Есть еще одна причина. Она заключается в том, что интеллектуальные занятия Вячеслава Семеновича имели для него, если можно так выразиться, личностно выраженный смысл.

Мы знаем: философия является особого рода знанием, занимает свое место в царстве познания, в то же время она нередко воспринималась и общественным сознанием, и самими философами как некий образ жизни, род духовной практики. Соотношение двух этих аспектов как в их фактической выраженности, так и в их принципиальной соотнесенности друг с другом –

большой и открытый вопрос. Но все-таки одно можно сказать с большой степенью вероятности: философия в силу самого своего предмета, природы обсуждаемых ею вопросов обладает некоторой императивностью по отношению к непосредственной жизненной позиции индивида как разумного существа, не может оставаться нейтральной, быть просто выброшенной из головы, поскольку сама «голова» в ее сокровенной сути и есть ее предмет. Все-таки надо признать: простые думающие люди, даже совершенно далекие от философии как специального интеллектуального занятия, задумываются над философскими вопросами более часто и заинтересовано, чем над вопросами других областей знания. Точно так же и сами философы как индивиды оказываются под влиянием своих занятий более зримо и конкретно, чем представители других наук. Если брать случай Степина, то в нем философ и живой человек соединились весьма своеобразно: он занимался интересующим его предметом не только тогда, когда писал работы и читал лекции, но еще и едва ли не во всех разного рода содержательных беседах, которые ему случалась вести. Я бы мог решиться даже сформулировать такой парадоксальный тезис: он жил своей философией, и это выражалось в том, что он постоянно говорил о ней, руководствовался выработанными им самим схемами развития науки и социума при рассмотрении разнообразных вопросов. Мы с ним сотрудничали 30 лет, последние 25 из них очень тесно. Если все время нашего общения за эти годы условно разделить на то, которое было посвящено рассмотрению деловых (административных) и разного рода житейских вопросов, и то, что было отдано «бесцельным» разговорам на философские темы, по преимуществу – учениям самого Степина, второе, несомненно, будет превалировать над первым. Вячеслав Семенович, как хорошо известно, любил говорить, говорить именно о том, чем он занимается, о своих открытиях, касающихся становления научной теории, типов рациональности и др. Это не было просто формой самоутверждения, демонстрацией своего духовного богатства, в таком случае он бы не был сосредоточен на своих научных занятиях, а мог бы демонстрировать свои недюжинные знания в других областях (поэзии, архитектуре, спорте и др.). Это не было также частным случаем просветительства, желанием чем-то обогатить собеседника, он мог так беседовать и беседовал с кем угодно, иногда даже с не совсем адекватными людьми, которые, как вы знаете, иногда появляются в нашей среде. Создавалось даже впечатление, что ему не очень важно, кому он рассказывает. Он любил говорить о своем со всеми, кто готов был слушать, и везде, где представлялась такая возможность, даже в троллейбусе, которым мы иногда пользовались, возвращаясь с академических заседаний. Склонность Вячеслава Семеновича постоянно возвращаться в общении к своим научным сюжетам и охотно говорить о них не была также простым самовыражением, скорее я бы назвал это продолжением умственной работы, свидетельством того, что именно изучаемые им философские проблемы постоянно занимали его ум, составляли основной предмет его интереса. Во время такого рода бесед, которые иногда длились часами, он особенно ценил вопросы, сомнения, никогда не пропускал их мимо (мол, потом разъясню), а сразу хватался и буквально вгрызался в возникшее непонимание. Когда обсуждали его тексты, он требовал такого режима, чтобы он мог ответить каждому и сразу, пока

сохранялась свежесть восприятия возражения. Принимая во внимание, что речь, то, о чем мы говорим, спорим, о чем мыслим, есть важная часть нашей жизни, вполне можно сказать, что Вячеслав Семенович жил своей философией. У него по методологическим вопросам, составлявшим предмет его научных исследований, таким как структура теоретического знания, типы рациональности, универсалии культуры, стадии цивилизационного развития, сложились определенные продуманные концептуальные схемы, которые не просто обосновывались им в научных трудах, но одновременно культивировались в личном опыте размышлений. Поэтому при рассмотрении разнообразных научных и социокультурных вопросов, формулируя свои суждения, Вячеслав Семенович часто апеллировал к собственным концептуальным схемам и учениям, никогда не уставал повторять и в ходе повторения шлифовать их, примерять к новому материалу.

Одна из наиболее популярных, получивших широкое распространение идей Вячеслава Семеновича заключается в выделении трех – классической, неклассической и постнеклассической – стадий в развитии науки. В июне прошлого года я был в Институте философии НАН Азербайджана и с интересом обнаружил, что там эту идею многие коллеги рассматривали как важный методологический принцип для понимания современных познавательных процессов. Описание различных стадий в развитии научного познания очень важно, особенно для понимания того нового, что привносит современная наука. Однако не менее важно, что эти стадии образуют единую преемственную линию развития и на каждой из них наука в своих базовых характеристиках, прежде всего в приверженности объективной истине, остается одной и той же. Наука тем отличается от других форм культуры, что она объективирует свой предмет, превращает в объект все, к чему прикасается, подобно тому, как все, к чему прикасался царь Мидас, превращалось в золото (излюбленное сравнение Степина). Замечательная особенность Вячеслава Семеновича как исследователя состояла в том, что он, будучи чуток к новейшим тенденциям, умел взглянуть на них исторически, так вписать в общую логику развития предмета (в данном случае науки), что в результате сама эта логика приобретала новый вид. Тот факт, что он неразрывно связывал научный взгляд на мир с пафосом объективной истины, не поддавался искушениям, релятивизирующим понятие истины, привязывавшим это понятие к субъекту, имело и имеет также важное значение для правильной ориентации в других областях культуры, в частности, для понимания природы ценностей, которые как раз тем отличаются от науки, что их нельзя адекватно осмыслить в отрыве от субъекта, его целей, или, говоря более жестко, которые всегда даны в форме субъекта, невозможны в отрыве от него.

Философия культуры – другая (наряду с философией науки) область, в которой Вячеслав Семенович был наиболее креативен как мыслитель и продуктивен как исследователь. В его концепции меня более всего удивляет, что он, исходя из понимания культуры как надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, смог представить такую целостную картину, в которой нашли свое место как предметное, так и историческое многообразие ее форм, и которая смогла интегрировать достижения всех

важнейших школ в этой области знания, в том числе полемизировавших между собой. Культура при таком понимании выглядит как сложное, трудно обозримое архитектурное сооружения наподобие огромного строящегося собора. Единство и прочность такого сооружения обеспечивается некой несущей конструкцией, ее роль в случае с культурой играют мировоззренческие универсалии. Так Вячеслав Семенович называет базовые категории культуры, которые стягивают воедино все ее аспекты и в своем взаимодействии создают целостный образ мира. Как природа, случайная во всех своих единичных проявлениях, оказывается неотвратимо закономерной в своей общей тенденции, так и мир культуры, субъективный и произвольный в каждом единичном случае, выступает внутренне целостным благодаря лежащим в его основе мировоззренческим универсалиям. Универсалии культуры по своему составу совпадают с философскими категориями, систематизирующими человеческий опыт (является ли такое совпадение полным или состав философских понятий шире – это отдельный вопрос, который, насколько мне известно, Степин не рассматривал), но они различны и по форме (универсалии культуры необязательно имеют рационально оформленный вид), и по своему, если можно так выразиться, онтологическому статусу. Философские категории вторичны по отношению к универсалиям культуры, являются результатом рефлексии над ними. Эта мысль, высказанная в контексте осмысления культуры, имеет, на мой взгляд, важное значение и для понимания природы философского знания, характера связи философии с обыденным сознанием, с семантической структурой языка, а также места философии в общественной жизни. Исключительно интересным является и вопрос о генезисе самих универсалий культуры, которые также не являются раз и навсегда данной величиной, подвержены изменениям как в своих связях, так и в составе. Вячеслав Семенович считал, и это тоже одна из его излюбленных и часто им повторявшихся идей, что мы (человечество) в настоящее время переживаем период обновления мировоззренческих оснований культуры, ведущих к смене самого типа цивилизации.

Когда врачи по просьбе Вячеслава Семеновича сообщили ему, что времени у него осталось месяц-полтора (а на самом деле, как оказалось, несколько дней), то он, как мне передал присутствовавший при этом близкий ему человек, сказал: «Что же, что-то я успел сделать». Да, он многое сделал. И, что не менее важно, оставил много таких идей, которые требуют дальнейшей работы и благодаря которым он будет находиться с нами.

В.Г. Буданов. Я хочу попросить продолжить разговор давнишнего друга и соратника Вячеслава Семеновича, академика РАН Владислава Александровича Лекторского.

В.А. Лекторский. Вячеслав Семенович Степин – удивительное явление отечественной культуры. Занимая руководящие посты в нашей философии, он не только отстоял ее право на достойное место в духовной жизни страны в самые тяжелые годы на рубеже 1980-х и 1990-х гг., но выдвинул и обосновал множество идей в самых различных областях, начиная от эпистемологии и философии науки и кончая философией культуры и социальной философией. Эти идеи сильнейшим образом повлияли на то, что делается сегодня. Ибо речь

идет не просто об отдельных оригинальных мыслях, но о своеобразных исследовательских программах, которые задают проблемное поле и определяют способы познавательной деятельности. Я считаю многие идеи Вячеслава Семеновича не просто актуальными, но опередившими свое время.

Начну с моего впечатления о самом характере философской деятельности Вячеслава Семеновича. Сегодня наша дисциплина во всем мире стала сверхспециализированной. С одной стороны, это вроде бы неплохо, ведь современная наука и культура становятся все более сложными, и для того, чтобы выявить глубинные зависимости в изучаемой области и скрытые смыслы в продуктах духовного творчества, необходимы усложнение используемого при исследовании концептуального аппарата и все более тонкая дифференциация познавательных средств. Но в итоге часто происходит такое раздробление философской деятельности, в результате которого специалист в эпистемологии не знает, что делается в этике, а исследователь социальной философии не интересуется проблемами философии науки. Приведу один пример. В аналитической философии уже более 30 лет обсуждается так называемый парадокс Геттиера: речь идет о взаимоотношении знания, истины и обоснованности суждения. Парадокс сформулировал американский специалист в области эпистемологии в маленькой трехстраничной статье, которая превратила его в своеобразного классика. Между прочим, после этого Геттиер почти ничего не написал и никакими другими философскими сюжетами не интересовался. Мы еще не дошли до такого состояния, но есть основания думать, что к нему движемся. Между тем подобный способ работы неизбежно ведет к деградации философии. Ведь специфическая особенность этого вида интеллектуальной деятельности состоит в том, что она имеет дело с всеобщими отношениями человека и мира. При этом выясняется, что при обсуждении проблем эпистемологии мы в каких-то пунктах начинаем касаться вопросов этики и философии культуры и что успешно работать в социальной философии невозможно без обращения к философии науки в связи с пониманием особенностей наук о человеке. Раздробленная на изолированные департаменты философия перестает играть свою неотъемлемую роль в культуре.

Вячеслав Семенович начинал с исследования проблем философии науки, с создания и обоснования на огромном материале истории физики оригинальной концепции научного теоретического знания, включающего сложные отношения содержательных и формальных операций, идеалы описания и объяснения, научную картину мира, при этом знания, динамически развивающегося. На мой взгляд, это одна из самых перспективных концепций в мировой философской мысли, богатой сегодня на интересные идеи.

Из названных исследований Вячеслава Семеновича органически выросла его концепция исторических типов научной рациональности. Выделение этих типов, формулирование особенностей постнеклассической рациональности помогают успешно включиться в острейшие современные дискуссии, связанные с изменением взаимоотношений теории и наблюдения, объяснения и предсказания, особым значением ценностных предпочтений исследователя, особенностями наук о человеке, которые начинают играть новую роль во всей системе

научного знания. Понимание смены типов рациональности необходимо предполагает обращение к культуре, так как изменение представлений о рациональности неотделимо от перемены в культурных универсалиях, определяющих понимание мира и самого исследователя.

В связи с этим в центре внимания Вячеслава Семеновича оказываются вопросы философии культуры. Он разрабатывает свое понимание культуры как надбиологической программы человеческой жизнедеятельности. Культурология, ставшая у нас самостоятельной дисциплиной примерно 30 лет назад, столкнулась с необходимостью понимания особенностей своего предмета. На мой взгляд, работы Вячеслава Семеновича серьезным образом формулируют философские основания наук о культуре. При этом интереснейшие идеи высказаны им в связи с анализом взаимоотношения культуры и философии. Он показывает, что философия может и должна быть понята не только в качестве рефлексии над культурой, но и как своеобразный способ трансформации существующей культуры и метод проектирования образов будущего, как своего рода конструктивная утопия.

Наконец, цикл исследований, посвященных техногенной цивилизации. Этот термин Вячеслав Семенович ввел для обозначения особенностей нововременной европейской цивилизации, развитие которой предполагает небывалое развитие науки, в свою очередь связанное с развитием техники – поэтому так называемый феномен технонауки возник в действительности не сегодня (как часто полагают), а, по крайней мере, в XVII столетии. В работах В.С. Степина показано, что техногенная цивилизация определяющим образом влияет не только на понимание науки и на способы ее осуществления, но и на понимание человека, его отношения к природе, и на межчеловеческие отношения. С точки зрения Вячеслава Семеновича, техногенная цивилизация, которая много сделала для человеческого развития, сегодня исчерпала свои возможности и приводит к деградации как отношения человека к природе, так и межчеловеческих отношений. Человечество столкнулось с необходимостью своеобразной антропологической революции, с поиском новых ценностей. И об этих ценностях, в частности о роли ценностей традиционных культур в современном мире, он писал много и интересно.

Таким образом, труды Вячеслава Семеновича – это своего рода «Энциклопедия философских наук». Но это непохоже на то, что традиционно понималось под философской системой. В прошлом такие системы преподносились их авторами (а авторами могли быть великие философы, такие, например, как Кант и Гегель) в качестве окончательно решения основных философских проблем (своеобразное «закрытие темы»). Вместе с тем труды В.С. Степина – это и не просто собрание отдельных рассуждений на разные философские темы, а, как я уже сказал, ряд обоснованных, концептуально взаимосвязанных (и поэтому систематизированных), перспективных исследовательских программ, не только относящихся к чисто философским сюжетам, но затрагивающих судьбоносные проблемы современного общества и человека. Важно подчеркнуть, что эти программы понимаются как развиваемые, конкретизируемые и модифицируемые в связи с изменениями, постоянно происходящими в науке и культуре. Это те идеи, которые могут и должны разрабатываться дальше, то

духовное наследие, которое продолжает жить и помогает нашей философии играть необходимую культурную роль. Это продолжение жизни Вячеслава Семеновича после его физической смерти.

Я счастлив, что знал Вячеслава Семеновича в течение 50 лет и дружил с ним. Он, работая в свое время в Минске, часто посещал Институт философии АН СССР и сектор, в котором я работал и который возглавлял (диалектического материализма, с 1977 г. сектор теории познания), участвовал в наших обсуждениях, а я, начиная с 1970-х гг., стал регулярно ездить в Минск. Когда же В.С. Степин переехал в Москву, наше сотрудничество стало особенно тесным. Мне неоднократно приходилось высказываться об идеях Вячеслава Семеновича в связи с обсуждением тех или иных современных проблем. В свете этих проблем становится особенно ясным, что к его идеям мы будем обращаться постоянно.

В.Г. Буданов. Спасибо, Владислав Александрович. А сейчас я предоставляю слово нашей гостье из Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН Наталии Ивановне Кузнецовой, дружившей с еще совсем молодым, доолимпийским Степиным, входившей в одно с ним братство философов и историков науки 1970-х гг.

Н.И. Кузнецова. Необычно и странно, что я вспоминаю Славу Степина, а не просто болтаю с ним. Совместное наше земное бытие закончилось, но я не привыкла, не смирилась с этим.

Мы познакомились со Степиным в декабре 1973 г. в Обнинске, где Институт истории естествознания и техники АН СССР проводил первый большой семинар по методологии историко-научных исследований. Главным организатором семинара был незабвенный всеми, кто принадлежал той славной эпохе «бури и натиска» в советской философии, Борис Семенович Грязнов (1929–1978). Редко, когда мы, встречаясь со Славой, не вспоминали бы нашего Борю: светлели наши лица, и оба мы горько вздыхали о той короткой жизни, энергия которой по-прежнему питала постоянные поиски адекватных моделей развития науки. Состав того семинара был по гамбургскому счету «звездным», почти все будущие светила отечественной эпистемологии и философии науки присутствовали там: Эрик Юдин, Пиама Гайденко, Юра Давыдов, Володя Швырев, Миша Розов, Игореха Алексеев, Саша Славин, Вадик Садовский, Толя Ахутин, Вадим Рабинович, Витюша Визгин, Саня Огурцов… Все были на «ты», это был знак принятия в сообщество, в братство. Даже такой еще молодняк в те годы, как я или Вика Лысенко, комплексами не страдали, смело «тыкали» нашим философским преподавателям, это был стиль общения, и другого здесь не признавали. Весь семинар получился неожиданным и прекрасным, будто, по Маяковскому: «Сразу смазал карту будня, плеснувши краски из стакана»…

Степин прибыл из Минска, сделал один из самых красивых докладов (реконструкция истории и логики построения теории Максвелла) – результат кандидатской и проект его будущей докторской диссертации. Можно сказать, мы, москвичи, ахнули от радостного восхищения, Славик мгновенно стал «нашим», таким и остался до конца – «Славиком». С тех-то пор мы, как заговорщики, могли сразу начинать рассказывать о своих интеллектуальных находках

безо всяких предисловий и долгих вступлений, будто расстались вчера, а то и сегодня поутру. И я, действительно, довольно полно понимаю, как развивались его представления, в какой последовательности он двигался, почему переходил от одной тематики к другой. А поскольку сам Степин постоянно рефлексировал над тем, что и как он делает, следовать за его «бродячими мыслями» было легко. В любой момент он мог сказать: «Послушай, я тут недавно понял…», и я без труда схватывала контекст его очередной новенькой идеи. Полагаю, с историко-научной точки зрения, его интеллектуальную биографию довольно легко восстановить – он был в мышлении систематичен и сам контролировал свои шаги. Думать и придумывать для него было великим удовольствием, он рассказывал о своих находках самозабвенно. Увы, к собеседнику он частенько был невнимателен, ему был нужен, скорее, слушатель или читатель, чем критик или автор со своим встречным текстом. Но в 1973 г. эта черта еще не проглядывалась, он жадно слушал, впитывал, ориентировался в том, кто каким материалом владеет, в каком направлении идет, искренне радовался новым знакомствам и горизонтам.

Мне кажется, что доклад на семинаре в Обнинске был одним из самых лучших выступлений Степина. И вот почему я так думаю: в этом докладе молодого амбициозного философа не было ничего из того, чему его могли бы научить на философском факультете советского университета. Он, впрочем, нередко иронизировал над тем, как тогда учились. Канта приходилось читать в городской библиотеке (на факультете текстов кенигсбергского философа просто не было), но и там юному Степину пришлось разрезать страницы выданного ему томика – никто еще не читал Канта, не брал этих текстов в руки. Студенты благополучно сдавали экзамены по немецкой классической философии, ни разу не взглянув на работы тех, про кого они так уверенно вещали. Прибавлю, что Степин, как известно, одновременно посещал занятия на физфаке, дошел фактически до защиты дипломной (в те времена такое поощрялось), и глубокое, практически профессиональное знание современной физики было его «коньком». Помню, как-то в разговоре про Г.П. Щедровицкого я упомянула, что тот перешел на философский после третьего курса физфака МГУ. Степин сразу возразил: «После второго!» – «Почему так уверен?» – удивилась я. – «Юра знал только классическую механику, а квантовую – нет». И Слава был прав, я потом уточняла. В работах Георгия Петровича речь всегда шла о строении понятий у Галилея и Ньютона.

Замечательна история степинской кандидатской (он как-то рассказал про это в ярких подробностях). Суть в том, что юный выпускник философского факультета, отличник и активный комсомолец, хороший спортсмен (как трогательно он этим гордился!) получил необходимую партийную рекомендацию в аспирантуру для работы по очень ответственной для тех времен теме – критике неопозитивизма и был командирован в Ленинград для сбора материала. Немецкий он знал прилично, получил допуск в спецхран (о, времена!..) и начал жадно изучать труды Венского кружка. Результат для аспиранта оказался печальным. «Все, что деятели логического позитивизма писали о науке, – рассказывал Слава, – было в общем-то верным. Разоблачительная критика их концепций оказалась для меня совершенно невозможной». Он вернулся в Минск,

чтобы сменить тему, уйти в историко-научный материал, избежать идеологического давления. Защита отложена, карьерный рост замедлился. Смешно, но Слава признавался: в те годы верхом его жизненных мечтаний была защита кандидатской, звание доцента и возможность читать лекции в университете. Преподавать он обожал. Судьба, как мы знаем, приготовила ему куда более блистательную карьерную лестницу. Обращает на себя внимание то, что в его пособиях по курсу «История и философия науки» очень любовно, хотя и лапидарно (по сути, необязательно для сдачи кандидатского минимума) изложены труды позитивистов «второй волны». Тоже эхо ленинградского периода. А когда он говорил о сделанных тогда конспектах (с немецких изданий), я вполне серьезно предлагала ему поднапрячься и издать то, что пока так и осталось «за бортом». Но не случилось, увы.

В докладе по реконструкции истории и логике построения электромагнитной теории Максвелла уже проглядывала та схема мышления, которую Лакатос так афористично выразил: «История науки без философии науки слепа, а философия науки без истории науки пуста». Это было на самом деле новым поворотом в методологии историко-научных исследований. И еще одно, что мало отмечалось: никогда я еще не слышала (а Степин говорил страстно, как пророк) о возможности построить «альтернативную версию» истории теории электромагнетизма, т. е. как бы ответить на вопрос, можно ли было в истории учений об электричестве обойтись без Максвелла. Какой в таком случае была бы теория?.. Как жаль, что здесь у него не нашлось продолжателей и последователей! Да и сам он забросил эту линию, увлекаясь другими сюжетами. История, конечно, не знает сослагательного наклонения, но гражданские историки часто обсуждают события прошлого в логике «что было бы, если бы…». Историки науки никогда не рисковали предлагать подобное!

В отличие от немецкого движения XVIII столетия «Sturm und Drang» мы были помешаны на Разуме, всюду искали рациональность. Чего мы тогда хотели как философы? Ответ очевидный: обновления мышления. Преобразовать традиционную гносеологию, которая в духе диамата была убийственно серой. Сама фундаментальная наука рвалась вперед, дух научных изысканий и открытий, дерзость физических теорий окрыляла и звала, и мы хотели быть на уровне такой дерзости. На обычных философских конференциях такого не допускалось, а здесь, в маргинальной сфере, именуемой «методология историко-научных исследований», дышалось легко. Конечно, мы шептались о социальных проблемах, но вслух о том пока говорить не приходилось. И все мы были не «ленинцами», а «марксистами». Мечтали реконструировать «аутентичного Маркса». Совершенно согласна со Степиным, который в одном из наших частных разговоров очень точно сформулировал общую ситуацию: «Великое благо, что канонизирован был не только Ленин, но и Маркс. Маркс сильный и нетривиальный мыслитель. Если бы остался один ленинизм, вся наша философия быстро выродилась бы в этакий цитатник, наподобие учения “чучхэ”. И тогда пришлось бы бежать из философии, поддерживать мировоззрение и методологию в духе вульгарного материализма XVIII столетия, нормальному человеку просто невозможно». Сущая правда, что говорить! Да, слово «мы» было тогда реальным и распространялось отнюдь не широко. Отсюда

простота и естественность нашего постоянного общения, несмотря на все должности и звания, которые Славику достались с избытком. К счастью, они не изменили его по сути. Одержимость мышлением, верность дружбе, служение идеалам и ценностям свободного философского и научного творчества делали его инвариантным на протяжении всей земной траектории.

И еще одно интересное рефлексивное умозаключение Славы Степина о себе и своей работе. Однажды он меня спросил: «Как ты думаешь, в какой философской традиции я работаю?». Я посмотрела на него несколько удивленно, почти уверенная в том, что он отнесет себя к постпозитивистам. «Я – неокантианец! – заявил он очень серьезно. – Причем принадлежу не к Марбургской, а к Фрайбургской школе». Это было неожиданно, но я поняла, что он хочет сказать. Действительно, именно Слава придумал проект коллективной монографии очень нетривиальной для 1970-х гг. тематики – «Идеалы и нормы научного исследования». Изюминкой его собственной работы стало то, что он внес элемент динамики в понимание сферы ценностей науки. Мне кажется, это осознается недостаточно. Новая гносеология порывала с трансцендентализмом любого толка, приближалась в своих моделях научного познания к человеческому миру в его постоянных мутациях и трансформациях. В работах Степина по философии науки совершенно закономерно появились размышления об антропологии и об особенностях техногенной цивилизации. Физика опять окрыляла его мысль новыми познавательными метафорами – появились в истории точки бифуркации, специфика познания и работы с открытыми системами, универсальный эволюционизм как принцип понимания мира в целом и тому подобное.

Славик любил стихи, многое жадно поглощал, схватывая ритмы буквально с листа. Любил наизусть читать «Поэму конца» М. Цветаевой, которую, по-моему, знал еще в самиздатовском варианте. В память о нем закончу столь знаковыми для нас строками:

В наших бродячих
Братствах рыбачьих
Пляшут – не плачут.
Пьют, а не плачут.
Кровью горячей
Платят – не плачут.
Жемчуг в стакане
Плавят – и миром
Правят – не плачут.

В.Г. Буданов. Спасибо, Наталия Ивановна, мы словно вместе с вами и Вячеславом Семеновичем вернулись в эту вечно юную республику ученых, эпоху надежд и веры в науку.

Позволю себе ненадолго взять слово. О стратегии своей жизни в науке в последние годы Вячеслав Семенович не раз говорил в частных беседах. На протяжении 25 лет мы неоднократно предлагали Вячеславу Семеновичу возглавить сектор междисциплинарных проблем научно-технического развития. Он, будучи директором Института философии РАН, создавал сектор вместе с В.И. Аршиновым и был, фактически, нашим неформальным научным

соруководителем, постоянно обсуждал нашу тематику, участвовал в грантах и конференциях, поездках на Украину по линии международных связей с синергетическим сообществом. Он всякий раз отшучивался, даже после ухода с директорства, что он уже в своей жизни накомандовался, но основной мотив отказа от руководства сектором пояснял так: «Я должен многое успеть, успеть обобщить концепцию типов научной рациональности, которая прекрасно работала в естествознании, расширить и переформулировать ее для культуры, для наук о духе, насколько это возможно». Конечно, задумывались и другие творческие проекты. С этой целью был организован многолетний внутренний семинар, на который приглашались философы гуманитарной направленности, многие члены кафедры истории и философии науки Институт философии РАН, профессионально, на конкретном дисциплинарном материале делались доклады и велись дискуссии о методологии науки в гуманитарном знании. Одновременно заслушивались и доклады ведущих специалистов в области физики, математики, психологии, правоведения, социологии, медицины. Когда мы говорим о проблеме коэволюции науки и культуры, следует понимать, что для Вячеслава Семеновича это был лейтмотив последних десяти лет его жизни. Он рассчитывал построить единую методологию для всех наук. Да, пока она не полна, но мы надеемся продолжать исследования в этом направлении уже в коллективном составе.

В.И. Аршинов. Я впервые увидел Вячеслава Семеновича Степина почти полвека назад, в 1974 г. Он приехал из Минска и выступал с докладом на семинаре отдела философских проблем естествознания Института философии АН СССР. Слушая его выступление, уже тогда невозможно было отделаться от впечатления, что с ним в нашу философию науки приходит новое качество, качество ее опережающего развития, качество ее становления как конструктивно ориентированного языка междисциплинарного и трансдисциплинарного со-участия философии в конвергентном росте научного знания. И вся творческая биография Вячеслава Семеновича служит тому подтверждением. Интеллектуальная мощь, эмоциональная страстность, творческая энергия, постоянная включенность в обсуждение сложных проблем нашего мира, наконец, талант выдающегося педагога и организатора – все эти личностные качества Вячеслава Семеновича неотделимы от истории философии науки нашей страны, ее достижений конца прошлого и начала нынешнего веков.

Не могу не вспомнить драгоценные для меня часы общения с Вячеславом Семеновичем во время нашего пребывания в ЦЕРНе (Швейцария), куда мы приехали в 2008 г. по приглашению тогдашнего помощника генерального директора ЦЕРНа по восточноевропейским делам Николая Кульберга при содействии сотрудника Объединенного института ядерных исследований В.Н. Шкунденкова.

ЦЕРН занимает большую огражденную территорию, на которой разбросаны многочисленные служебные постройки. По сути, это маленький город со своими улицами и тротуарами, по которым, однако, практически никто из сотрудников ЦЕРНа не ходит, поскольку все передвигаются посредством своего колесного транспорта. Я говорю об этом потому, что мы с Вячеславом

Семеновичем составляли редкое исключение. Выходя из гостиницы, которая также располагается на территории ЦЕРНа, мы часами ходили по его тротуарам (надо сказать, весьма узким для прогулок вдвоем) и самозабвенно обсуждали проблемы философии науки, ее прошлое, настоящее и будущее: от Платона до бозона Хиггса «под нашими ногами», тогда еще не открытого, и наступающего нового «дивного» кибербудущего человечества. Выглядели мы при этом, видимо, настолько странно в глазах проезжающих на машинах сотрудников (и охраны), некоторые притормаживали, чтобы получше разглядеть столь необычных для черновского пейзажа пешеходов, которые никуда не спешат в самый разгар обычного рабочего дня в центре большой технонауки, центре европейской (да и мировой) megascience. Но, что и говорить: сложностность обязывает мыслить медленнее. Обязывает изменяться, находясь в потоке, но сохраняя при этом верность самому себе. Таким и был Вячеслав Семенович, и таким я его запомнил. В его работах представлена впечатляющая своей масштабностью и конструктивностью программа исследований в области философии и методологии современной постнеклассической науки. Эта программа открыта будущему, и вряд ли стоит особо подчеркивать ее чрезвычайную актуальность для адекватного понимания специфики повсеместно возникающих проблем развития современной цивилизации эпохи экспоненциально растущей сложностности, цивилизации, находящейся в режиме быстрых бифуркационных изменений и решающего выбора дальнейшего пути (сценария) развития.

В русле развития этой программы одно из центральных мест занимает проблема субъекта-наблюдателя и принципа конструктивной наблюдаемости самоорганизующихся и саморазвивающихся объектов, с которыми имеет дело постнеклассическая наука. Здесь существенно, что для такого рода становящихся объектов характерно эмерджентное поведение – возникновение качественно новых уровней параметров порядка, подчиняющих и видоизменяющих нижележащие уровни. И тогда мы сталкиваемся с проблемой построения не только интерактивного наблюдателя сложностности, но и темпорального наблюдателя, наблюдателя – участника эволюционного процесса, погруженного в нелинейное время, способного наблюдать и проектировать будущее, предвосхищать его, обладающего способностью коммуницировать с настоящим и прошлым. Применительно к решению проблемы наблюдателя как активного сетевого носителя интерсубъективной междисциплинарной и трансдисциплинарной коммуникации вырисовываются две взаимодополняющие друг друга исследовательские стратегии. Первая связана с построением наблюдателя саморазвивающихся эволюционирующих систем, вторая – с построением сетевого наблюдателя сложности. В обоих случаях нам придется иметь дело с квантово-подобной неопределенностью, контингентностью, контекстуальностью, множественностью, которые свойственны онтологии постнеклассики, и, соответственно, с распределенностью, нелокальностью ее постнеклассического субъекта/наблюдателя/участника и одновременно – наблюдателя «второго порядка» как самонаблюдателя сложностного саморазвивающегося мира. Именно такая многокрасочная картина мира, эволюционирующего в направлении роста его онтоэпистемической сложностности, открывается перед глазами

внимательного читателя работ В.С. Степина. И я благодарен Вячеславу Семеновичу за возможность постановки проблемы наблюдателя сложностности в такой форме – возможность, осознанную мной в результате многолетнего диалога с ним.

В.Г. Буданов. Добавлю к сказанному Владимиром Ивановичем, что тема постнеклассики – вершина онтологической пирамиды, которая выстраивалась почти 40 лет, в первую очередь самим Степиным, но также и его последователями, и нашим сектором тоже. Здесь привлекались самые разные универсалистские теории и строгие методы синергетики, теории катастроф, квантовой теории, теории информации, теории сложности. Поэтому совершенно неслучайной была искренняя многолетняя дружба сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития и Вячеслава Семеновича с Сергеем Павловичем Курдюмовым и Дмитрием Сергеевичем Чернавским, лидерами нелинейного моделирования и синергетики в нашей стране, людьми энциклопедической культуры, в том числе и философской. Вячеслав Семенович привлекал эти подходы с целью попытаться соединить пространства разных онтологий (включая гуманитарные и естественно-научные онтологии), ввести представления о метаморфозах в плохо формализуемых онтологиях, например на достаточно разработанном языке фазовых переходов, теории катастроф или биологического морфогенеза. Занимаясь подобными функциональными изоморфизмами, он был очень аккуратен и старался обкатать свои гипотезы с учениками и последователями, на организованном им семинаре мы наблюдали рождение многих новых идей.

Типы научной рациональности для Вячеслава Семеновича ассоциировались в первую очередь с физикой, историческими этапами ее развития, которые он знал блестяще. Позже, уже в 2000-х гг., опираясь на синергетические онтологии, он стал ассоциировать типы научной рациональности (классика, неклассика, постнеклассика) с типами систем (простые, саморегулирующиеся и саморазвивающиеся), для которых эти типы наиболее адекватны в исследовательской практике. Скажем, классика – то самое «объективное знание», которое неразрывно связано с идеалами, характерными для науки, начиная с эпохи Ньютона и завершая второй волной позитивизма (конец XIX в.). Классика – это, когда вы принципиально можете настолько ослабить вмешательство наблюдателя-прибора в эксперимент, что делаете его ничтожным, а знание будет только о свойствах объектов (такое положение вещей тысячи лет отличало астрономию). На первый взгляд у греков было принято «подглядывать» за природой, не нарушая естественный ход вещей, вроде бы тоже классика, но они не ставили активные эксперименты, исследуемая система не создавалась искусственно и не изымалась из природы (поскольку это слишком грубое воздействие на природу). Для греков холистичность, изучение целостного мира были важнее системного взгляда, так и не ставшего популярным в Античности. Поэтому античной науки – науки в точном смысле этого слова – в схеме научной рациональности Вячеслава Семеновича нет.

В начале XX в. в квантовой теории возникает неклассическая онтология, предполагающая, что вы не можете незаметно подглядывать за микрообъектом, ваши наблюдения оказывают неустранимое влияние на его свойства.

Квантовая механика учит нас, что возникает неразрывная связка средство – объект, поэтому говорят, что наблюдение творит реальность. Но этому же учит нас социология и психология. Как ни организовывай вопрошание, социолог обязательно будет влиять на сознание и мнение респондента своими анкетами, а интроспекция, один из первых методов психологии, демонстрирует такое влияние еще ярче. Неклассика в гуманитаристике, по-видимому, – вообще норма, а классика – скорее грубое и банальное упрощение. Если, например, речь идет об истории, то вы с необходимостью включаете в рассмотрение сознание и мотивы ее творцов, пополняя целостную постнеклассическую триаду «субъект – средство – объект» социокультурными и психологическими дискурсами. Очевидно, эта рациональность характерна для широкой рефлексии в научном творчестве, исторических и культурологических исследований. Вячеслав Семенович настаивал, что именно так обстоит дело с подлинно сложными саморазвивающимися системами, а таковы все человекомерные объекты гуманитаристики. Действительно, в фазах смены гомеостазов, т. е. в периоды кризисов, обязательно присутствуют хаос, неустойчивость, неопределенность выбора будущих сценариев развития, на которые наше наблюдение неустранимо влияет. Таким образом, в гуманитарной сфере наблюдатель всегда носит постнеклассический включенный характер, именно в этом загадка роли личности в истории, инсайта открытия и интерпретации, рождения художественного слова. Пройдя путь познания в физике от простых механических систем до сложных процессов эволюции Вселенной, Вячеслав Семенович предложил обратный процесс для гуманитарных систем: начиная с максимально сложной постнеклассической картины реальности, он предлагает контролируемое упрощение, ведущее к неклассическим и даже классическим подходам. Насколько это приняли гуманитарии, мне трудно судить, но таков вкратце был замысел Степина.

Передаю слово Владимиру Леонидовичу Васюкову, научному редактору английской версии главного труда Вячеслава Семеновича «Теоретическое знание», заведующему кафедрой Истории и философии науки Института философии РАН. Эта кафедра тоже была создана, точнее, радикально реорганизована, благодаря В.С. Степину – его блистательным лекциям и, главное, базовым учебникам по курсам кафедры.

В.Л. Васюков. Диапазон интересов Вячеслава Семеновича Степина был очень широк, и это позволяло ему взаимодействовать со специалистами в различных областях науки. Предпоследняя его книга, если вы помните, была посвящена философским проблемам медицины и написана в соавторстве с двумя известными медиками. Он искал и находил применение своим воззрениям в различных научных дисциплинах, в частности в последнее время его интересовала такая сфера научной деятельности, как математика. К сожалению, смерть не позволила Вячеславу Семеновичу развить и изложить те концепции, которые возникли на этом направлении его размышлений. Мне хотелось бы рассказать, как у него появился интерес к ситуации в современной математике.

Уже говорилось, что Вячеслав Семенович в последние годы устраивал для преподавателей нашей кафедры истории и философии науки методологические семинары, посвященные различным проблемам философии науки.

Характерной его чертой было предпочтение диалога и научной дискуссии любым видам докладов и сообщений. Когда я предлагал сделать доклад по какому-то вопросу или принести статью, Вячеслав Семенович обычно отвечал: «Не надо мне статей, не надо докладов, давайте лучше вместе обсудим этот вопрос». В одной такой беседе он рассказал, что, интересуясь в свое время философией неопозитивизма, перевел для себя с немецкого ряд работ членов Венского кружка, поскольку в тот период подобные переводы отсутствовали. Как выяснилось, некоторые из этих работ до сих пор на русском языке не представлены, в связи с чем возник проект публикации этих переводов в журнале «Философия, методология и история науки» (к сожалению, в настоящее время уже не издающемся). В другой беседе была затронута тема такого проекта неопозитивистов 1930-х гг., как создание универсального языка науки. Проект потерпел крах, однако имел некоторые интересные последствия.

Проект единого универсального языка науки предполагал некоторое единство научного познания и научных воззрений. В последующий период возникла противоположная тенденция, получившая название научного плюрализма. Уже в 1980-е гг. (после того как П. Суппес в 1978 г. заявил, что ни языки научных дисциплин, ни их предметы не сводятся к одному языку и одному предмету) появились книги, например, «Как лгут законы физики» и «Пестрый мир…» Н. Картрайт, в которых описывалось, как совсем разные научные теории сосуществуют и описывают различные области действительности со своими специфическими законами. Неожиданный интерес у Вячеслава Семеновича вызвало то обстоятельство, что научный плюрализм более всего в последние годы проявился в области логики. В 2009 г. состоялся первый международный конгресс по так называемой неклассической математике, который зафиксировал, что так же, как существует научный плюрализм, противостоящий концепции научного монизма Венского кружка, существует математический плюрализм.

Для современной логики проблема логического плюрализма приобрела особое значение, поскольку за последнее столетие появилось так много логических систем, что каждый волен выбирать себе ту логику, которая ему нравится, и этот процесс бесконечен. Вы спросите: в чем же заключается проблема? Проблема заключается в том, как логики будут контактировать между собой, если они будут говорить на разных языках. Есть ли какие-то методы, предписывающие как вообще работать нормальному логику, если ему предлагается на выбор такой огромный инструментарий? Он словно бы приходит в «логический ресторан», где ему предлагается бесконечное «меню логик», он должен выбрать одну из них и всю жизнь работать в этой области. Как производить такой выбор? Поскольку любая логическая система порождает некоторую систему математики, которая параллельна уже существующей, то вопрос может быть продолжен и дальше: как быть математику, которому на выбор тоже предоставляется огромное количество математических методов, причем не только однородных, но основанных на совершенно разных понятиях и разных концепциях?

Оказалось, как ни странно, что здесь на помощь может прийти концепция постнеклассической рациональности. Прошлым летом на посвященном

философии математики конгрессе в Австрии я делал доклад, где как раз попытался в логических кругах продемонстрировать концепцию Вячеслава Семеновича в качестве метода выхода из тупиков логического и математического плюрализма. Выбор той или иной системы в этом случае не имеет ни логического, ни математического обоснования, но может быть основан на нормах, ценностях и идеалах научного исследования. При этом поле выбора носит совсем иной характер, чем в случае логических или математических систем – для норм, идеалов и ценностей у нас нет доказанного утверждения об их бесконечной вариативности, что вселяет надежду на более простую процедуру выбора. К сожалению, мне не удалось детально обсудить с Вячеславом Семеновичем после доклада аспекты «постнеклассической» логики и математики ввиду его преждевременной кончины. Мне кажется, ему было бы интересно узнать, что в данном случае концепция постнеклассической науки становится не просто востребованной, но и сверхактуальной, поскольку она может определить дальнейшее продвижение на переднем крае логики и математики.

В.Г. Буданов. Разрешите передать слово Вадиму Марковичу Розину, многочисленные публичные диспуты которого с Вячеславом Семеновичем всегда вызывали бурный интерес и приносили взаимную пользу.

В.М. Розин. Вячеслав Семенович – ведущий отечественный философ науки, и я хочу предложить версию эволюции его идей в этой области, а также проблем, с которыми он столкнулся. Несколько упрощая, можно выделить три этапа развития его идей о науке. Результат первого этапа – его работа «Становление научной теории» (1976 г.), в которой Степин вышел на известную трехуровневую схему науки (эмпирический слой, теоретический и слой оснований науки). Результат второго этапа – не менее известная схема трех уровней развития и трех типов рациональности – классического, неклассического и постнеклассического. О результате третьего этапа Вячеслав Семенович, слава богу, успел нам рассказать в своем докладе в конце прошлого года: он предложил интересную схему развития науки, когда каждый следующий слой организуется в самостоятельное целое, которое ассимилирует и перестаивает предыдущие слои.

Интересно, что во всех трех случаях идеалом науки для Степина выступало естествознание. С одной стороны, это позволило обсуждать науку на хорошем современном уровне, но с другой – возникали трудные проблемы, на которые приходилось отвечать. Например, первое представление о науке не предполагало ее развитие и изменение. Второе – не могло объяснить природу античной и средневековой науки, а также гуманитарной и социальной науки, ведь в них нет математизации и эксперимента, да и знания получаются иначе, чем в естественных науках.

Мне кажется, что многие проблемы концепции науки Вячеслава Семеновича могут быть разрешены, если сделать поправки на понимание идеала науки, который используется в философии науки. На мой взгляд, понимание современной науки не может отталкиваться от естествознания. Современная наука сложилась, в том числе, как институт модерна. Задал такое понимание уже Ф. Бэкон, который не только наметил принципы новой науки – науки о природе, но и сформулировал новый культурный проект, в соответствии с которым овладение природой сделает человека могущественным и обеспечит его

благосостояние (для этого в свою очередь нужно было создать естественные науки, инженерию, основанную на ней промышленность, сообщество ученых новой формации, подготовленных для решения указанных Бэконом задач).

Новая наука, по Бэкону, предполагала и новую социальность. На эту важную особенность обратил внимание Дж. Мартин, доказывая сходство бэконовского замысла реформы науки с его же замыслом реформ государства, говоря, что «Новая Атлантида» есть не только произведение о новой научной организации, но прежде всего о модернизированном государстве – империи.

В своей книге «Природа: понятие и этапы развития в европейской культуре» я показываю, что вопрос о получении научных знаний Бэкон ставил не так, как это делалось в Античности или в Средние века. Новое здесь в том, что речь идет о массовом явлении, ориентированном на массового потребителя. Как следствие и наука уже не могла остаться узким эзотерическим занятием небольших групп. Она все больше превращалась в новый социальный институт, ориентированный на массового потребителя, что в свою очередь потребовало резкого расширения количества ученых, а это, понятно, было невозможно без подготовки их как специалистов. Отсюда создание технических школ и перестройка школьного образования.

Институт науки складывается примерно к середине – концу XVIII столетия. В его рамках дальше (XIX в. – начало XX в.) формируются отдельные научные школы, разворачивается конкуренция научных идей, идет борьба как за общественное признание, так и за выделение средств на развитие науки, происходит дифференциация «наук о природе» и «наук о духе» (позднее, получивших название «гуманитарных), начинается дисциплинарное оформление концептуализации науки (т. е. складываются методология и философия науки).

Если же наука – это не только познание природы, освоение действительности путем построения идеальных объектов, концептуализация науки в философии (все эти моменты сложились еще в Античности и первая трехуровневая схема Вячеслава Семеновича хорошо описывает такую науку; а я этот этап развития науки, рассматриваемый как предпосылка для науки Нового времени, называю «геномом науки»), но наука – это также институт модерна, то в этом случае нужно понять, каким образом эти два представления науки связаны между собой. Решение подсказывает последний доклад Степина, о котором я говорил. Сначала в античной культуре сложился геном науки, а потом, в Новое время, – наука как институт модерна. Последняя самоорганизуется как самостоятельное целое и сложный техногенный социальный организм. При этом наука как институт модерна ассимилирует и перестраивает геном науки, ведь и в современной науке осуществляется познание природы, понимание которой, конечно, стало значительно сложнее, создаются идеальные объекты, осуществляется концептуализация науки в философии (философия науки).

Если согласиться с указанными мною поправками, то снимаются основные проблемы, с которыми имел дело Вячеслав Семенович. Действительно, в этом случае наука складывается в Античности, но по отношению к современной науке выступает как ее предпосылка (геном науки). В современной

науке на одинаковых условиях (одинаковых по отношению к науке как институту модерна) прописываются и естествознание, и гуманитарные, и социальные науки. Другое дело, что если иметь в виду строение генома науки, то все основные типы современных наук (естественные науки, технические, гуманитарные, социальные, междисциплинарные, технонаука) устроены по-разному. Но все они относятся к науке как институту модерна.

В.В. Чешев. Мое знакомство с В.С. Степиным было поначалу заочным. Мой друг, возвращаясь из Бреста, купил по пути, в Минске, книжку В.С. Степина и Л.М. Томильчика «Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики». Книжку я разрисовал подчеркиваниями с первой до последней страницы, в особенности первые три главки. В них излагался концептуальный подход к пониманию генезиса и структуры естественно-научного знания, последовательно и полно реализованный в последующих обстоятельных исследованиях Вячеслава Семеновича. Следующим шагом была его книга (докторская диссертация) «Становление научной теории» (1976). В то время имелись по меньшей мере две причины такого обостренного внимания к работам В.С. Степина. Одна из них заключалась в том, что это было время большого внимания к проблемам методологии науки, и потому немедленно прочитывалось всякое серьезное исследование по теории познания и методологии науки. Другая причина моего личного внимания была в том, что после защиты кандидатской диссертации я искал концептуальный подход к анализу научного знания применительно к тому типу знания, которое принято называть инженерно-техническим. За год до получения названной брошюры в новосибирском академгородке прошел научный семинар, в организации которого решающую роль сыграл М.А. Розов. На этом семинаре доминировала группа Г.П. Щедровицкого и его учеников, заявлявших о неких деятельностных основаниях процесса формирования «научной онтологии». Кстати, московскими участниками семинара были также В.М. Розин и В.Г. Горохов. В это время названная выше брошюра отвечала на поставленный на семинаре вопрос, а именно, давала конструктивный (он же и конструктивистский) ответ на вопрос о процессе появления абстрактно-теоретических схем теории. Тогда по прочтению названных книг пазл сложился, поскольку обрисовался подход к появлению теоретических схем и к пониманию структуры научной теории как в естествознании, так и в инженерном научном знании. Оставалось классифицировать эти схемы, раскрыть основания их появления, тем самым вскрыть внутреннюю связь естественнонаучного и инженерного знания. Одновременно стала возможной конкретизация роли практического технического опыта в процессах становления опытной науки. Конечно, я искал встречи с Учителем, она состоялась в 1974 г. в Минске, куда я приехал с целью знакомства и апробирования своих соображений и сделал доклад на кафедре, на которой тогда работал В.С. Степин. Я был принят очень дружественно, Вячеслав устроил мне номер в гостинице в центре Минска. Неудивительно, что потом в 1979 г., он прилетел в Новосибирск на мою докторскую защиту в качестве первого, как тогда говорили, оппонента.

Думаю, что подобным образом повлияли концептуальные соображения В.С. Степина и на исследования моего друга и коллеги Виталия Георгиевича

Горохова. Им также была принята степинская концептуальная модель структуры научной теории, которую он прорабатывал сначала на материале инженерных дисциплин, касающихся радиосвязи и радиолокации. После защиты докторской в 1986 г. В.Г. Горохов занял ведущую позицию в исследованиях по методологии научно-технического знания, и этот исследовательский процесс был у него тесно связан с Вячеславом Семеновичем по линии творческой, организационной и по линии личных дружеских связей. Полагаю, что под влиянием степинских представлений об этапах развития науки, научной рациональности и взаимодействия науки и культуры складывалось в методологии инженерного знания разграничение классического и неклассического этапов его развития. Синтезом всего этого комплекса идей стала монография В.Г. Горохова «Технические науки: история и теория» (2012), наиболее полно, как мне представляется, на фактах истории науки и развития техники отразившая методологические установки, которые сформировались под влиянием работ В.С. Степина. Нет сомнения, что концептуальные идеи В.С. Степина были приняты частью исследователей в области философии техники и методологии научно-технического знания: эти идеи дали основания для плодотворного поиска.

Творческое сотрудничество с Вячеславом Семеновичем сопровождалось неформальными встречами, среди которых памятна одна из последних, состоявшаяся в Томске в 2011 г., когда В.С. Степин приезжал в Томский государственный университет с лекциями и как председатель Российского философского общества. Научное наследие Вячеслава Семеновича остается с нами, это лучшая память об ученом и человеке.

Я.И. Свирский. Я тоже, пожалуй, начну с воспоминаний об общении с Вячеславом Семеновичем, а затем скажу несколько слов о постмодерне и постструктурализме. В самом начале нашей встречи было отмечено, что о Вячеславе Семеновиче с большими оговорками можно говорить, что общаешься с человеком, понявшим истину в последней инстанции и изрекающим те или иные суждения, которым остается либо внимать, либо не соглашаться с ними. Я помню совместные поездки в командировки или разговоры в стенах института. Это были содержательные беседы, проходившее, во-первых, на равных, а во-вторых, сразу ощущалось, что он чувствителен не то что к новому, а именно к иному по отношению к тем философским стратегиям, которых он сам придерживался. Понятно, что новое интригует, а иное – это, как правило, то, что вызывает сопротивление. Здесь, например, можно вспомнить французского философа Ж. Делеза. Надо отметить, что Степин достаточно основательно читал его произведения. И я был свидетелем того, как Вячеслав Семенович, обсуждая Делеза, говорил о своих претензиях к тому, что тот писал, но, тем не менее, настойчиво призывал изучать этого автора.

Степина самого обвиняли в том, что он причастен к постмодернистской стратегии. Конечно, это не так. Сам термин «постмодернизм» обрел сегодня – прежде всего в масс-медиа – негативную окраску. Однако нельзя не отметить, что часто смешиваются представления о постмодерне как некой философской стратегии и как некоем социальном феномене. В качестве социального феномена постмодерн действительно подвергается обструкции, и часто под этот

термин подводится все то негативное, что имеет место в нормализованном определенным образом мире, например в российском мире. А что касается философского постмодерна, или постструктурализма, то в нем поднимаются совершенно иные, вполне актуальные проблемы. И эти проблемы были конгениально поставлены и обсуждались Вячеславом Семеновичем. Так, его стратегия трех типов рациональности, если посмотреть на нее извне, никоим образом не вступает в контроверзу с теми стратегиями, которые предлагают философы второй половины XX в. во Франции, да и не только во Франции – стратегиями, связанными с осмыслением изменений в культурных реалиях. Можно в качестве примера взять концепцию Ж.-Ф. Лиотара, восходящую к К. Марксу концепцию Ж. Бодрияра и многие другие. И такое движение, ориентированное в том числе и на удержание философских традиций (что демонстрирует и концепция Вячеслава Семеновича), присутствует и в постструктуралистских штудиях. Но при этому нужно обратить внимание на один существенный момент.

Порой может показаться (и не без оснований), что сказанное одним автором в другом месте уже сказано другим автором. И иногда в таких случаях возникает неконструктивное соперничество относительно того, за кем пальма первенства. В качестве примера приведу французского философа Ж. Симондона, который разработал собственную – весьма влиятельную – концепцию становления (в терминах Симондона – индивидуации) науки, техники, религии, эстетики и т. д. Внешним образом такая концепция напоминает то, чем занимался Степин. Его учение о трех сменяющих друг друга типах рациональности (которые в последней версии оказываются закольцованными) конгруэнтна предложенной Симондоном стратегии фазовых переходов в науке, технике и других областях. И это несмотря на то, что оба автора друг друга в принципе не знали. Поэтому возникает соблазн провести компаративистское исследование, показывающее, что в разных странах и в разное время имеют место одинаковые подходы к осмыслению тех или иных реалий. Я полагаю, что такой сравнительный подход, направленный на поиск сходств, далеко не всегда конструктивен. Более интересным является, на мой взгляд, выявление внутренних различий, задаваемых разными культурными матрицами, о чем также размышлял и Вячеслав Семенович.

Как перевести культурную матрицу с одного поля размышлений на другое, скажем, из западноевропейской культуры – в российскую, или из восточных культур – в западноевропейскую. Как вписать в некоторые географические и культурные реалии то, что было развито мыслителями в контексте совершенно иных реалий? Вячеслав Семенович одно время часто использовал китайское выражение «у-вэй» – не-деяние. Я думаю, такие авторы, как Степин, могут выполнять не только функцию концептосозидателей, но и играть коммуникативную роль моста, способствующего переводу одних концептов в другие, с одного культурного поля на другое. При этом речь должна идти не о «механическом» переводе-переносе, а скорее, именно о конвергенции (но не слиянии), для которой необходимы своего рода «затравочные элементы». Я полагаю, что творчество Вячеслава Семеновича, да и всех крупных философов, выполняет функцию именно таких затравочных элементов, чтобы

разные культуры могли друг с другом не слиться, но вступить в тот конструктивный диалог или коммуникацию, которые могут служить тем герменом, из которого вырастают, становятся, индивидуируются те или иные объектности и способы мышления.

В.Е. Лепский. В.С. Степин внес громадный вклад не только в развитие философии науки, но также в ряд гуманитарных и естественно-научных областей знания, связанных с социальным управлением и развитием, экономикой, правоведением, медициной, экологией, образованием и др. Он творил в междисциплинарном пространстве и был успешным интегратором естественно-научных и гуманитарных знаний. Далее я скажу о воплощении идей Степина в поиске путей преодоления кризиса техногенной цивилизации и ограничений концепции устойчивого развития.

В последние годы Степин уделял большое внимание в своих работах и публичных выступлениях проблеме поиска путей преодоления негативных последствий развития техногенной цивилизации и вопросу о возможности становления новой, приходящей ей на смену, цивилизации. Степин жестко фиксирует свою позицию, указывая, что современная цивилизация вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности. Принципиально важна его основополагающая ориентация на системность и междисциплинарность в осмысление кризиса техногенной цивилизации. Анализируя культурно-генетический код и ценностно-смысловое ядро техногенной цивилизации, Степин выделяет важнейший для этой цивилизации принцип стимулирования опережающего роста потребления, распространения рыночных отношений на все новые сферы человеческой жизнедеятельности. Как следствие это вызывает обострение экологического и антропологического кризисов. Степин делает вывод, что нужен переход к новому типу цивилизационного развития. Он описывает стадии перехода систем в новое состояние, связывая этот переход с идеями синергетики. Принципиально важно, что в завершающей стадии ведущей становится целевая причинность, которую можно представить как целевую детерминацию, а процессы самоорганизации общества представить как базирующиеся на проектной идентификации. В системно-генетическом аспекте выдвигается нестандартный тезис о влияние будущего на настоящее и даже прошлое.

Ключевой вопрос, который ставит Степин, – вопрос о ценностях, задающих ориентиры перехода к новому типу цивилизационного развития. Он считает, что новые ценности извне не придут, они должны начать формироваться в недрах техногенной культуры, и важно отыскать их точки роста. В качестве базовых он выделяет сохранение человечества как особой подсистемы биосферы и самой биосферы как сложной развивающейся ценностной системы, противопоставляет идеал ко-эволюции общества и природы идеалу господства человека над природой. Точки роста новых ценностей Степин связывает также с предложенной им постнеклассической научной рациональностью, которая ориентирована на рассмотрение развивающихся человекоразмерных систем и в центре внимания которой оказывается совместное рассмотрение внутринаучных и вненаучных (социальных) этических регуляторов. Системность подхода проявляется в органичной связи рассматриваемых аспектов фазового

перехода систем с политической организацией мирового сообщества, с переходом от однополярного к многополярному миру. Степин указывает на нерешенные, актуальные в XXI в. проблемы отношений «общество – власть», для которых еще не найдены новые точки роста ценностей, но проблематизация кризиса техногенной цивилизации является началом поиска такого рода ценностей.

В контексте прогнозов цивилизационного развития Степин обоснованно приходит к выводу, который согласуется с высказыванием К. Леви-Стросса о том, что XXI век либо будет веком социально-гуманитарных наук, либо его вообще не будет. Для поиска путей перехода от техногенной к социогуманитарной цивилизации формулируется проблема становления на основе идеи постнеклассической научной рациональности кибернетики третьего порядка саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред. Это постнеклассическая кибернетика третьего порядка создается в логике восхождения от классической к постнеклассической научной рациональности, соответственно от кибернетики «наблюдаемых систем» (первого порядка – Н. Винер) к кибернетике «наблюдающих систем» (второго порядка – Х. фон Ферстер) и далее к кибернетике «саморазвивающихся рефлексивно-активных систем-сред» (третьего порядка). В настоящее время кибернетика третьего порядка получила признание как в нашей стране, так и в мировом сообществе. Заслуга ее становления в значительной степени принадлежит Степину.

Для меня принципиально важно отметить, что непосредственное общение, идеи и в целом труды Степина существенно повлияли на мой жизненный путь, интересы и результаты исследований.

Н.М. Смирнова. Я хотела бы обратить внимание на выдающийся вклад Вячеслава Семеновича Степина в философское учение об обществе. Незаурядный талант В.С. Степина отсвечивал смысловыми гранями в различных областях современной философии. Категорически не приемля постмодернистских игр по замещению истинности верификацией, когнитивной целесообразностью, «пролиферацией интерпретаций», он до конца прошел жизнью отмеренный ему тернистый путь философского служения Истине. Не обошел он вниманием и актуальную социально-философскую проблему цивилизационной идентичности современного общества.

Наряду с другими важнейшими понятиями философской методологии (идеалы и нормы научного мышления, философские основания науки, онтологические схемы и проекции и т. п.) Вячеслав Семенович ввел в широкий научный оборот понятие «научная картина мира». Он полагал, что общенаучную (и дисциплинарную) картину мира задает онтология лидирующей теории. Но в XX в. представления о социальной реальности существенно усложнились благодаря осознанию недостаточности ее теоретической репрезентации лишь как слепка структурно-функциональных связей – в социальной картине мира все большее значение обретают коммуникативно-смысловые характеристики. В ситуации амбивалентности структурно-функциональных и коммуникативно-смысловых подходов, каждый из которых разворачивается в целый кластер различных теорий и опирается на собственные социально-онтологические допущения, вопрос о том, онтология какой социальной теории лежит

в основе современной социальной картины мира, представляет собой серьезную теоретическую проблему. И социально-теоретические наработки В.С. Степина вносят существенный вклад в решение этой проблемы.

Огромной теоретической важности вклад В.С. Степина в проблему цивилизационной идентичности современного общества, равно как и в представления о социокультурных механизмах общественного развития в целом, состоит в его четкой артикуляции принципиальной значимости смысловой составляющей в социальной динамике. Вячеслав Семенович последовательно развивал взгляд, согласно которому социальная эволюция детерминирована не только развитием безличных производительных сил, но и мутацией ценностей и жизненных смыслов человеческого мышления и действия. Интерсубъективные ценности и жизненные смыслы, полагал он, через повседневные структуры понимания и интерпретации выражают активное, программирующее воздействие на формирование социальной реальности как культурного артефакта человеческого мышления и деятельности. Исторический тип цивилизации, с точки зрения В.С. Степина, концептуально задан содержанием универсалий культуры – идеальными скрепами исторически-определенного типа культурного сообщества. Социальный мир – это мир, светящийся смыслом, и именно эта осмысленность делает его собственно человеческим независимо от степени его преобразования человеческим трудом. Важнейшей исследовательской задачей в изучении цивилизационной динамики Вячеслав Семенович полагал анализ генезиса и последующего взаимодействия («резонанса») новых ценностей и жизненных смыслов в различных областях науки и культуры.

В.С. Степин формулирует свою концепцию цивилизационной динамики с помощью скрупулезно разработанного им понятия мировоззренческих универсалий культуры, аккумулирующих не только результат рационального постижения социокультурной реальности, но и опыт ее аффективно-эмоционального переживания-проживания. Содержание мировоззренческих универсалий культуры, по В.С. Степину, определяет тип социокультурной формации. Идея смысловых мутаций мировоззренческих универсалий культуры, сложным образом взаимодействующих с развитием экономической сферы общества, лежит в основе его понимания механизмов социальной динамики. В таком понимании аутопоэтического самопорождения/взаимодействия культуры и экономики по типу обратной связи лишается философского смысла традиционное для философии Нового времени вопрошание о том, что «первично», а что «вторично» в социальной жизни и культуре. Концепция цивилизационной динамики В.С. Степина локализуется «поверх» классической дихотомии, она представляет собой современный, философски изощренный взгляд на основополагающие механизмы социального развития в парадигме современных теоретико-сложностных представлений.

Вячеслав Семенович хорошо осознавал методологическую сложность теоретической репрезентации социальной картины мира, обусловленную тем, что в обществе нет социальной позиции, с которой его можно было бы обозреть как целое (парадокс самореферентных онтологий). Он постоянно подчеркивал, что социальный ученый – не картезианский наблюдатель, обживший место Бога. Напротив, как включенный наблюдатель он пребывает «в определенной среде»,

являясь ее неотъемлемой частью. Это обязывает его разворачивать социально-гуманитарные экспертизы, направленные на культурно-антропологическую оценку рисков преобразования среды обитания, делает необходимым гуманитарное оправдание любых трансформаций среды, в которую включен человек. Но методологически включенность социального наблюдателя в определенную среду – локус социологического вопрошания – означает и его несвободу от культурных презумпций, обусловленных его социально-групповым положением в культурном сообществе, в которое он «вживается», как в собственное тело. Проблема когнитивного «расщепления» субъекта социального познания на наблюдателя-транслятора и теоретика-интерпретатора оказалась на переднем крае профессиональных интересов Вячеслава Семеновича в последние годы. Это важнейший аспект социально-философской проблемы интерсубъективности. В.С. Степин стремился решать ее в общефилософском плане, реализуя проект исследования конвергенции естественно-научного и социально-гуманитарного знания как миграции методологических смыслов из одной сферы научного знания в другую, проводя интересные параллели между развитием, например, биологического знания и лингвистики. И продолжить эти исследования он завещал нам с вами, его ученикам и последователям.

Л.П. Киященко. Вопросы, оставленные в наследство, – продолжение неизбежно. Влияние учения Вячеслава Семеновича на многие направления современного философского знания – философскую антропологию, философию науки (схемы представления: классика, неклассика, постнеклассика), философию техники, социальную эпистемологию, философию культуры, обобщения цивилизационных процессов – бесспорно. Он еще при жизни был признан классиком постнеклассического направления философствования. Ему удавалось сохранять объективную, беспристрастную оценку происходящего в философии науки с позиции ученого большой культуры и обширных знаний со страстной позицией наблюдателя-участника, включенного в происходящие процессы трансформации научного познания, которые, как было очевидно по всему, его лично касались. Его личная заинтересованность выражалась в предельной ответственности за становление новых парадигмальных знаний, готовность вслушиваться в иное толкование происходящих событий в науке, познании, культуре. Вячеслав Семенович любил обсуждать в философском сообществе вопросы, которые, как правило, встают в переходные периоды и, не имея прямого ответа, постоянно рассчитывают на него. Именно такие вопросы, связанные с удивлением перед очевидной неочевидностью, инициируют философское размышление и сохраняют его жизнеспособность. Можно вспомнить слова Б. Рассела, писавшего, что философию нужно изучать не ради определенных ответов на философские вопросы, поскольку никакие определенные ответы обычно нельзя признать истинными, но, скорее, ради самих вопросов, ибо эти вопросы расширяют наше представление о том, что возможно, обогащают наше интеллектуальное воображение.

О каких вопросах, оставшихся нам в наследство от Вячеслава Семеновича, идет речь, и какие вопросы он сам ставил? Длительное время и, по сути, все последние годы его интересовало развитие видов усложняющегося системного качества.

Философский модус вопроса предполагает, что он задается в формульном виде и имеет конкретное содержание по месту и времени. Так, отмечая в сложных саморегулирующихся системах появление нового понимания объектов как процессов взаимодействия, Вячеслав Семенович пишет, что система воспроизводится в качестве своеобразного инварианта в варьируемых взаимодействиях. Усложнение системы в ходе развития, связанное с появлением новых уровней организации, выступает как смена одного инварианта другим, как процесс перехода от одного типа саморегуляции к другому. Эта процессуальность, утверждает Вячеслав Семенович, проявляется в двух аспектах: и как саморегуляция, и как саморазвитие, как процесс перехода от прежнего типа саморегуляции к новому. Возникают вопросы: каков механизм смены одного инварианта другим, процесс перехода от одного типа саморегуляции к другому? Что такого должно быть в системе, чтобы она обладала способностью к такому порождению? Вячеслав Семенович дает ответы на эти вопросы. Но предварительно он точно обрисовывает общую ситуацию их решения. Представления о саморазвивающихся системах постепенно становятся доминирующими образами предметов – как социально-гуманитарных, так и естественных наук. Но при этом указанный образ двоится. С одной стороны, он является своеобразной схемой синтеза знаний при включении в общенаучную картину мира наиболее значимых результатов различных дисциплин. С другой стороны, он выступает ядром исследовательской программы, в качестве которой функционирует научная картина мира по отношению к эмпирическим и теоретическим исследованиям конкретных наук. Откуда эта двойственность образа, способного выступать интегратором представлений на метауровне (общенаучная картина мира), мезоуровне (научная картина мира) и микроуровне теоретических и эмпирических исследований конкретных наук? И главное, если она уже есть, как с нею быть?

Тут мы вступаем на следующую развилку возможного выбора. Выбора, чреватого коренным вопросом классической дилеммы, породившей в свое время (и об этом много размышлял Вячеслав Семенович) стилистику неклассического или, точнее, постнеклассического философствования. Выбор манифестирует о позиции или, точнее, диспозиции основного действующего лица в истории познания окружающего мира – субъекта. Диспозиция (плодотворная двойственность, неопределенность) субъекта (актора, автора, участника, наблюдателя и прочие его роли) – быть на основе «несомненного сомнения» (Декарт) через максимальное отстранение в своих представлениях об объекте или занять осознанную позицию «остранения» (удивления, вопросительности) перед сложностью очевидной неочевидности познаваемых явлений.

Ключевой момент, влияющий на дальнейшее развитие заданной (задание, оставленное Вячеславом Семеновичем нам в наследство) перспективы рассмотрения, – актуализирующееся в наши дни исследование роли философской рефлексии. Вячеслав Семенович считал, что философия – рефлексия не только над наукой, но над основаниями всей культуры. В ее задачи входит анализ под определенным углом зрения не только науки, но и других аспектов человеческого бытия – анализ смысла человеческой жизни, обоснование желательного

образа жизни и т. д. Указание на эвристический потенциал (теперь иногда обидно говорят «функционал») рефлексивной деятельности субъекта ведет в современных обстоятельствах, по нашему мнению, к осторожному и взвешенному отношению к ней. Такое отношение в свою очередь делает востребованной аналитику многообразия форм рефлексивной деятельности, о чем сегодня неслучайно много пишут. Тем самым ставится под вопрос допущение (классическое допущение о монотонности), которое исходит из положения, что успешная максимизация познавательных достижений обязательно благотворна (социогуманитарно полезна или как минимум безвредна) для человека.

Плодотворным подходом к разрешению оставленных в наследии Вячеслава Семеновича вопросов может быть отслеживание становящихся форм рефлексивной деятельности на границе «человекоразмерного» с иным. Как писал Гете,

Мирозданье постигая,
Все познай, не отбирая:
Что внутри – во внешнем сыщешь,
Что вовне – внутри отыщешь.
Так примите ж без оглядки
Мира внятные загадки.

И.А. Герасимова. Вячеслав Семенович Степин являет собой пример ученого и философа «открытой рациональности». Этот термин ввел в обиход Владимир Сергеевич Швырев, наш коллега и методолог науки поколения шестидесятников. Восприимчивость и открытость к новым идеям ученых и философским рефлексиям, по словам Швырева, составляет необходимое условие перманентного развития познавательных возможностей человека, горизонтов его постижения реальности. В век глобальных коммуникаций эти возможности усиливаются многократно. По отзывам знавших Вячеслава Семеновича ученых различных областей науки – математиков, экономистов, физиков, юристов, социологов, психологов, представителей фундаментальной медицины, он с неутомимой любознательностью вникал в суть проблем их дисциплин, и, как результат, рождались новые идеи и концепции. Мне хочется напомнить жизненный пример такого плодотворного сотрудничества, свидетелем которого была я сама.

У Вячеслава Семеновича были теплые дружеские отношения с моим учителем, руководителем сектора логики Владимиром Александровичем Смирновым. Плодом их увлеченных дискуссий стал метод, который вошел в литературу как генетически-конструктивный метод порождения научных теорий. Вячеслав Семенович устно и в своих трудах подчеркивал, что благодаря работам Владимира Александровича по генезису генетически-конструктивного метода в истории математики и логики он развил эту идею до общенаучной методологии.

Лично для меня обсуждаемые на круглом столе понятия, введенные Степиным в обиход философии науки, имеют конкретный, я бы даже сказала, «натуралистический» смысл. Владимир Иванович Аршинов пояснил смысл конвергенции представителей естественных и гуманитарных наук, используя

понятие «встреча». Концепт «конвергенции-встречи» можно не только развивать теоретически, но и использовать как руководство к действию. Сочетая работу в Институте философии РАН с преподаванием в ведущем техническом вузе – Российском государственном университете нефти и газа им. И.М. Губкина, могу сказать, что такие «встречи» плодотворны на всех уровнях образования и научных исследований. Работая с будущими инженерами и технологами, невольно проникаешь в суть целей их деятельности.

Разработанная Вячеславом Семеновичем модель структуры научного исследования (метатеоретический, теоретический и эмпирический уровни) в отношении инженерно-технических специальностей нуждается в дополнении низшим уровнем технологий и промышленности. В воплощении знания в технологиях этап внедрения оказывается не менее творческим, чем этапы теоретического и экспериментального исследования. Например, технология каждый раз требует доработки ввиду разности условий заводов. Сложность взаимодействий человека, природы и техносферы осознается на практике, где не исключены непредсказуемые случаи и катастрофы. Невозможно предусмотреть все взаимодействующие факторы и параметры живой динамичной среды. Круг актуальных познавательных возможностей расширяется вместе с ростом сферы потенциального незнания. Если, например, для методолога-философа ясно, что две теории происхождения нефти (углеводородов) – биогенная и абиогенная дополняют друг друга, то жаркие споры специалистов по этому вопросу не утихают до сих пор. То, что планета – единый организм мы понимаем, но не хватает доказательств, технических возможностей для реального соединения двух парадигм, а тем самым и для обоснованных решений в отношении политики в топливной энергетике.

Большинство магистрантов, будущих технологов, причисляют себя к классической рациональности. И если в курсах по методологии и философии науки и техники не обсуждать вопросы особенностей техногенной цивилизации и постнеклассической рациональности, то есть риск усиления технократических тенденций. Так, пропагандируется идея новой оболочки Земли – «ботосферы» (сокращение от «роботосферы»), с которой должны взаимодействовать люди цивилизации будущего. При этом локальные технологические задачи облегчения тяжелого и опасного труда подменяются глобальными ценностными ориентирами. Сегодня ни одно красивое и гениальное технологическое решение невозможно воплотить на практике без учета состояния общественного сознания (антропотехносферы). Технологии альтернативной энергетики могут быть найдены, но сознание людей, уклад жизни, направленность экономики на потребление, управление в интересах транснациональных монополий не готовы к высоким технологиям. При агрессивном состоянии общества не исключены прямые угрозы планетарных катастроф. Только осознание ценностей и целей цивилизационного развития, о чем много писал Вячеслав Семенович, позволит людям преодолеть кризис. Конвергенция гуманитарного, естественно-научного и технического знания, предполагающая коллективность познания и действия, – задача, связанная с выживанием человечества. Эта задача требует воспитания нового мышления планетарного типа

(«гео-человеко-размерного»). Обращу внимание на необходимость мониторинга состояний планеты и ускоренного изменения системных характеристик мира учеными разных специальностей – эта задача, которую провидчески ставил Вячеслав Семенович.

Ф.Н. Блюхер. Мы судим о текстах Вячеслава Семеновича во многом с точки зрения нашей специальности – философии. Отсюда возникает, согласно Вадиму Марковичу, «ранний Степин», который скорее специалист по методологии науки, и «поздний», который занимается теорий систем. Но при этом упускается важный момент, – Степин не просто методолог науки, он историк, причем не науки «вообще», а теоретической физики. Именно работа по истории становления физической науки и философскому обобщению результатов его исторических исследований позволили Степину занять значимое место в истории философской мысли. Его основное открытие в этой области состояло в том, что смена исследовательских программ происходит не вследствие влияния внешних по отношению к науке факторов, а из-за того, что в рамках вновь возникшей теории можно решать не только те же задачи, что и при прежних теоретических построениях, но и новые задачи, не решаемые старыми методами. Отсюда, кстати, возникают и некоторые недостатки его методологических работ. Для областей науки, не имеющих четко выраженной истории смены теоретических парадигм, приходится создавать дополнительные интерпретации их предметного каркаса, чтобы они соответствовали степинской методологии наук.

Это недостаток, особенно заметный в таких гуманитарных дисциплинах, как право, история, филология, он понимал. И, по-моему, именно это привело его к работам сначала в области теории культуры – он, к слову, автор статьи «Культура» в Новой философской энциклопедии, а затем к теории систем. Он сознательно пытается достроить свои методологические открытия онтологическим схематизмом. Но если описание различия между механическими и органическими системами (в его терминологии это простые и сложно регулирующиеся системы) уже имело богатую традицию, то переход к описанию саморазвивающихся систем создает определенные сложности даже при выборе языка описания. Так, если мы с вами признаем сосуществование трех типов систем – простых, сложно регулируемых и саморазвивающихся – в единой картине мира, то категориальные сетки, которыми мы описываем законы их функционирования, оказываются в отдельных случаях несовместимыми прежде всего вследствие употребления ограниченного набора понятий. Произнося одни и те же термины, мы, в зависимости от иерархии уровня сложности, будем иметь дело с совершенно разными предметами.

В качестве примера рассмотрим роль золота в финансовой системе. Традиционно золото считалось средством обмена, деньгами, чему способствовала его финансовая устойчивость, обусловленная малой подверженностью золота, во-первых, коррозии, а во-вторых, неконтролируемой эмиссии в силу природной редкости этого металла. Начиная с XX в. золото стало использоваться в электропромышленности, стоматологии и фармакологии. Развитие технологий в последнее время постоянно снижает роль золота в производстве. Одновременно с этим изменение технологий расчета и увеличение количества

экономических обменов существенно снижает роль золота в реальной торговле. Однако золото остается базовым инвестиционным индексом в биржевой торговле. Мы можем констатировать, что, хотя в реальности роль золота снижается, финансовый индекс золота растет в силу возросшей неопределенности в глобальной экономике. То есть золото становится прежде всего консервативным инвестиционным товаром. При этом в ряде стран, в том числе в России, золото в соответствии с законом рассматривается не как инвестиция, а как имущество. Так, биметаллический счет в банке не облагается налогом, а купля-продажа золотых монет в государственных банках облагается налогом на имущество. В небольших государствах с традиционно сильной банковской системой, таких как Швейцария или Сингапур, вложение в реальное золото рассматривается не как имущество, а подпадает под регулирование инвестиционного продукта. В высокоразвитой экономике США вы имеете право хранить в банковской ячейке золотые изделия исключительно в виде украшений. Таким образом, при анализе реальной экономики мы можем констатировать несовместимость базовых правовых категорий в различных экономических системах по отношению к одному и тому же продукту. Однако основной парадокс заключается в том, что, оставаясь в рамках методологии экономической науки, мы можем создать категориальную сетку, описывающую взаимодействие различных экономических систем, извлекающих при помощи обмена ту или иную форму прибыли. Переход же к языку общей теории систем лишает нас возможности количественных измерений сменяющих друг друга исторических форм. Возможно, что вынужденный переход от методологических исследований одной из областей науки к онтологической схеме, сделавший степинскую концепцию развития знания универсально замкнутой, привел Вячеслава Семеновича к некоторым упрощениям, существенно затруднившим эффективную эмпирическую проверку вновь возникающих теоретических конструктов.

В.Г. Буданов. Мне представляется, что здесь дело еще сложнее, и Вячеслав Семенович уж точно не упрощал, просто не успел прописать проблему междисциплинарных коммуникаций в объяснении реальности, хотя разговоры об этом были. Вместо золота можно было бы взять любой вещный объект или понятие. В нашей культуре и деятельности оно входит в состав бесконечного числа систем или конфигураторов, дискурсов, которые перекрываются лишь частично. Это типичные проблемы междисциплинарного диалога в экспертизе и диагностике, переводе и интерпретации, проблема архисложная и подходы к ее решению только намечаются.

М.Р. Бургете Аяла. Я думаю, сегодня все мы становимся участниками очень значимого события. Наверное, каждый из присутствующих готов признаться в том, что его чувства и разум отказываются верить, что Вячеслав Семенович ушел из жизни. Тем не менее наша встреча и наш разговор представляют собой своеобразное перформативное действие, совершая которое мы переходим границу новой реальности. И дело не только в том, что основным в сегодняшнем дискурсе является глагол в прошедшем времени «был», а в том, что сегодня Вячеслав Семенович из современника, друга, учителя превращается в историческую личность. Отныне он будет существовать

в реальности, создаваемой нашими воспоминаниями, и в реальности, созданной его текстами. Наша память вряд ли будет пополняться новыми смыслами, хотя чем больше людей соединит свои личные воспоминания, тем большую полноту и насыщенность она приобретет, но тексты отныне начинают свою новую, самостоятельную жизнь. Потому что если раньше у нас еще был шанс просить самого Вячеслава Семеновича растолковать и объяснить высказанные им идеи и мысли, то сегодня мы можем рассчитывать только на себя. Сопрягая реальность памяти и реальность текста, мы из его современников, единомышленников, учеников превращаемся в исследователей и последователей или оппонентов его творческого, научного и жизненного наследия. И сегодня от нас во многом зависит судьба этого наследия.

Сегодня каждый говорил о наиболее близких, созвучных или полезных для себя идеях Вячеслава Семеновича. Упомяну всего лишь одну из таких идей, мотивирующих мою собственную работу. Каждому знакомо красивое утверждение М.А. Булгакова, вложенное в уста Воланда: «Рукописи не горят!». У Вячеслава Семеновича я нашла очень важное для себя обоснование этой максимы. По мнению Степина, в стандартной концепции преемственность и прогресс понимаются как постоянное сохранение и накопление элементов истинного знания, и в этом случае признанные ложными или неперспективные идеи отбрасываются, можно сказать, «сгорают» и обрекаются на вечное забвение. Нестандартная же концепция, рассматривающая научное знание как сложную саморазвивающуюся систему, допускает, что маргинальные идеи и теории, не вошедшие в мейнстрим научного развития, могут обрести вторую жизнь. Это дает шанс мыслителям, оставшимся в безвестности или же, напротив, ославленным как лжеученые или еретики, и их идеям возродиться как феникс из пепла забвения. Этой мысли очень созвучны слова С. Цвейга, что одно усилие, предпринятое из благородных побуждений, нельзя назвать тщетным, и ни одно усилие никогда полностью не теряется во Вселенной.

С.Л. Гурко. Любой разговор с Вячеславом Семеновичем, даже разговор за чашкой чая систематически перерастал в микросеминар. Поэтому результаты его размышлений не только собраны в виде известных книг и статей, но и представлены в распыленном виде в памяти его многочисленных собеседников. Вероятно, не все из высказанных положений пущены этими собеседниками в ход и продолжили свое существование в новых размышлениях, некоторые могут до времени пребывать невостребованными. Простейшим средством их реактивации может служить поиск соответствия в опубликованных текстах, с которыми эти положения, не совпадая буквально, непременно должны коррелировать.

Разговор, следы которого я попытался припомнить, строился вокруг понятия сложности и идеи самоорганизации. Легко убедиться в том, что тема самоорганизующихся сложных систем была важным элементом в теоретической схеме смены типов рациональности, разработанной Степиным. Именно включением в горизонт познания сложных самоорганизующихся систем, характеризующихся как исторические и имеющие гуманитарные ценностные аспекты, отличается, по Степину, постнеклассическая рациональность. Моей методологической базой в том разговоре был, скорее, лумановский «аутопойезис», впрочем, также

не чуждый Вячеславу Семеновичу, поскольку мог прочитываться как обобщение эволюционизма, т. е. в терминах собственных построений Степина. Ответственность за возможную неполноту или противоречия реконструкции «невостребованного» фрагмента его построений я, разумеется, отношу исключительно на свой счет, оправдываясь несовершенством человеческой памяти.

Когда речь идет об эволюции сложных систем, обыкновенно наряду с постепенным накоплением изменений фиксируются и скачкообразные переходы, понуждающие называть эти стадии различными именами. Описывать эти скачки при помощи чрезмерно обобщенных диалектических представлений совершенно неэффективно. Анализировать их при помощи, например, аппарата описания неравновесных динамических систем несомненно полезно, но есть риск потерять специфику этих трансформирующихся систем, неплохо передаваемую структурным подходом, неприспособленным, однако, для описания процессов. Положение могла бы спасти гипотеза о регулярной схеме преобразования элементов структуры. Постепенное усложнение можно представить в виде добавления подструктур, понимаемых объектно, а скачок в виде объединения этих подструктур в новый объект, организованный более сложным образом, так что бывшие квазиобъекты – подструктуры предстанут как его функции. Противоположный на первый взгляд процесс объективации функций не является свидетельством деградации сложной системы, а напротив, закономерным этапом продолжающегося усложнения, поскольку объективироваться функции станут в новых комбинациях. Вся эта динамика может быть представлена как процесс усложнения через систематическое перераспределение сложности по уровням организации. Эта схема угадывается в знаменитом степинском описании трансформации научной рациональности, когда классическая конструкция субъект – средства – объект постепенно преобразуется в нерасчленимый самопознающий функциональный комплекс, когда рефлексия не только над рефлективными процедурами, но и над их внерациональными основаниями оказывается характеристической чертой научного познания. И в самом деле, разве не наблюдали мы, как, например, в биологических представлениях произошел переход от описания механического взаимодействия анатомических частей к химизму взаимодействия веществ, а затем и к теперешней информационной парадигме, делающей прогнозы трансгуманистов не такими уж фантастическими?

Не могу сейчас с уверенностью сказать, пригодится ли мне вспомнившийся фрагмент разговора с Вячеславом Семеновичем Степиным, однако, поскольку текущей темой сектора, в котором я работаю, заявлена «динамика исторического процесса», есть основания ожидать, что семечко будет пророщено, скрещено, подвергнуто селекционным мытарствам и в конце концов явится в виде гибридного плода.

В.Г. Буданов. Подобный проект заявлен основателем синергетики Г. Хакеном еще полвека назад, но, в действительности, успешен он оказался только в системах с дифференциальной динамикой, где удается вводить коллективные переменные, параметры порядка, иерархический принцип подчинения. Уже для клеточно-автоматной реальности или для сетей, к сожалению, общей теории нет, и не факт что будет. Согласен, что надо попробовать перезагрузить проблему.

В заключение нашей встречи передаю слово директору Института философии РАН, известному философу и востоковеду, академику РАН Андрею Вадимовичу Смирнову. Скажу только в преддверии его выступления, что Вячеслав Семенович с большим интересом относился к иным культурам и ментальностям, сокрушаясь, что у него не будет времени глубоко их освоить.

А.В. Смирнов. Как любил говорить в подобных случаях Вячеслав Семенович, «мы работаем уже больше двух часов», пора закругляться, поэтому я постараюсь говорить коротко. Так уж получилось, что наш ведущий, может быть, и невольно, разделил в своем выступлении всех присутствующих на нормальных ученых и «гуманитариев». Я отношусь как раз ко второму классу. Поэтому сосредоточусь на последнем вопросе из тех трех, что были обозначены в качестве обсуждаемой тематики. Об универсалиях культуры говорила в своем выступлении Н.М. Смирнова, этот вопрос затрагивался вскользь другими, но специально о нем не высказывались. В том, чтобы обратиться к этой теме, я и вижу оправдание своего присутствия и выступления на этом круглом столе.

Но сначала – личные воспоминания о Вячеславе Семеновиче. Наверное, самым ярким для меня было то, что, когда он был директором, руководителем секции отделения общественных наук РАН, академиком-секретарем этого отделения (можно представить себе, какой на нем лежал груз ответственности, что это было за безумное время девяностых, когда он занимался всеми хозяйственными вопросами, финансами, зарплатой и т. п.), при всем этом с ним можно было часами обсуждать какую-то научную проблему. Для него были важны не регалии собеседника, не его формальный статус, а владение предметом. Зацепившись за какой-то вопрос, в котором его, как ему казалось, неправильно или не до конца понимали или же по которому он не мог убедить собеседника, Вячеслав Семенович с головой уходил в разговор, доходил до мельчайших деталей. И никогда его не обрывал и даже не «закруглял»! Он всегда хотел дойти до конца, до самой истины. И когда окружающие начинали его подталкивать, намекать, что пора бы уже и административными делами заняться или отправиться на какое-то очередное мероприятие, он неизменно отвечал: самое интересное и самое главное – это научная дискуссия.

Сергей Львович говорил об устном наследии Вячеслава Семеновича. Конечно, это прежде всего научное наследие. Но это также и человеческое наследие, потому что фигура Вячеслава Семеновича как руководителя, как ученого, как человека – совершенно особая. Его личность. Наверное, мы не до конца это осознаем: слишком близок он был всегда для нас, и мы все были под его влиянием. Во всяком случае, я из того поколения, для которого Степин был «всегда». Я пришел на постоянную работу в Институт философии в 1988 г. – фактически тогда же, когда Вячеслав Семенович возглавил институт. Только сейчас, когда он так неожиданно, внезапно ушел, я понимаю, насколько неотделимой, само собой разумеющейся частью института, да и самой жизни, он был.

И второй эпизод, о котором я расскажу, имел место тогда, когда директором стал Салам Керимович, а Вячеслав Семенович должен был переехать в другую комнату. Вы представляете, сколько в его кабинете накопилось вся-

кого имущества за эти годы – книг и всего прочего, и все это надо было переносить. Один коллега, не буду называть его имя, зашел в кабинет Степина по какой-то надобности, а Вячеслав Семенович как раз что-то брал в охапку, чтобы перенести к себе в 215-ю комнату, вниз по лестнице. И этот человек, в шутку, конечно, говорит: «Вы какой-то ненастоящий академик!». Зачем, мол, сами таскаете? Нельзя ли кого-то подключить? А Степин сразу же ответил: «А я не привык считать чужие руки продолжением своего тела!». И это было не просто проявлением остроумия, это было его убеждением. Поэтому, я думаю, и эту часть его наследия, а именно – Степин как личность, нам тоже нужно хранить в памяти и передавать ее тем, для кого Степин будет уже историей, а не частью повседневности.

Что касается третьего вопроса – универсалии культуры – для меня, конечно, именно это было наиболее интересным в научных изысканиях Вячеслава Семеновича. Ведь он был, если можно употребить такое жаргонное слово, «междисциплинарщик» – одновременно и физик, и философ по образованию. Затем он двинулся к тому, и сегодня об этом уже говорилось, чтобы распространить свою концепцию на культуру и цивилизацию в целом. Тем самым он охватывал и естественные науки, и гуманитаристику, включая в орбиту своей теории фактически весь круг знания. Не знаю, сам для себя он осознавал это или нет, но он действовал вполне в соответствии с той традицией русской философии, которая всегда считала неправильным, даже трагически ошибочным, что науки о духе и науки о природе разделены. Для этой традиции русской мысли искомым и вместе с тем исходным была целостность. Фактически Вячеслав Семенович эту целостность знания воссоздавал, двигаясь, как говорил сегодня Вадим Маркович, со стороны естественных наук. А я в силу своей профессиональной специфики двигался с другой стороны – со стороны гуманитаристики.

Конечно, разрыв между естественно-научным знанием, даже, можно сказать, менталитетом естественника, физика, с одной стороны, и гуманитарным знанием и соответствующим менталитетом, с другой стороны, было непросто не только преодолеть, но и осознать, нащупать его, подходя к нему с той и с другой стороны. Непросто пересечь эту границу, непросто понять того, кто по другую сторону. Я думаю, что это – задача для будущего: построение цельного знания. И я считаю, что это – также часть наследия Степина.

К наследию ведь можно относиться по-разному. Можно превратить его в нечто фиксированное, застывшее, свершившееся и поместить в музей. И это тоже правильно – музеи должны быть, нельзя не хранить память. Но, я думаю, на этой основе можно строить отношение к наследию как к тому, от чего мы отталкиваемся и думаем, двигаемся дальше. Тогда наследие включено в этот диалектический процесс, когда мы все время идем вперед, находя противоречия в достигнутом. Тогда наследие тоже сохраняется, но как живое, как включенное в нашу повседневную работу, как то, что у нас всегда «на столе», а не просто в музее как память.

Вот о чем я подумал в связи с этим. Сегодня много говорили о наблюдателе, о том, что постнеклассическая наука основывается на квантово-механических интерпретациях, и о том, что это хорошо применимо и в гуманитарной

сфере. О чем в данном случае идет речь? Позволю себе как гуманитарию изложить это просто, а вы как люди ученые меня поправите, если я в чем-то буду неточен. Мы имеем дело с тем, что описывается волновой функцией и что можно считать «действительностью», не зависящей от наблюдателя. Но появляется наблюдатель, и благодаря акту наблюдения волновая функция «схлопывается», редуцируется, как говорят специалисты. И мы уже имеем не волну потенциальных вероятностей обнаружения частицы, а частицу в конкретном, одном из возможных мест в пространстве. Действительность при акте наблюдения проявляет себя тем или иным способом. И в этом смысле сам акт наблюдения как будто бы творит реальность, задает то, что мы фиксируем в эксперименте. Изготавливает то, чего нет вне акта этого наблюдения и фиксации.

Нам надо подумать, какой аналог, или коррелят, этой идеи можно найти в культурологических и гуманитарных исследованиях. Оттолкнемся вот от чего: все мы – наблюдатели, когда говорим о культуре. Ведь мы все в нее включены – иначе не бывает. Но насколько мы осознаем, что мы – наблюдатели? Если физики правы и если я правильно излагаю копенгагенскую интерпретацию квантовой механики, то получается, что прямо сейчас, здесь, в этой аудитории, мы все время «схлопываем» волновые функции, то есть все время творим реальность. Но ведь мы это не осознаем, правда? Кто из нас осознает, что мы все время производим своим актом наблюдения, т. е. восприятия внешнего мира, частицы или электромагнитные волны? Никто же этого не осознает – мы просто живем в мире готовых вещей.

А в культуре? Когда мы говорим о культуре, не происходит ли там то же самое? Что означает эта интерпретация квантовой механики, если ее спроецировать на культуру? Что она означает для нашего понимания рациональности и ее типов? Я только ставлю вопрос. Отталкиваясь от этой точки, можно было бы говорить очень долго, разворачивая тему субстанциальной и процессуальной логики – «логики частицы» и «логики волны», если проводить параллель с квантовой механикой. Но я скажу лишь одно. Заметьте: все, что сегодня говорилось, говорилось в рамках европейской культуры. Мы даже не пытались за них выйти. Не пытались, как если бы ничего другого не было. Что это, как не мир, сотворенный нашим наблюдением? Ведь это – реальность, которую мы сотворили как наблюдатели. Как наблюдатели мы сотворили мир, в котором нам очень удобно! Мы говорим о типах рациональности, об эволюции науки, о социальности, о прочем, но мы для себя сотворили мир европейской культуры, и все, о чем мы сегодня говорили, погружено в этот, и только в этот мир. А ведь есть другие миры, и они сотворены другими наблюдателями. Это ли не аналог? Что если это – разные миры? Как если бы в одном случае волновая функция «схлопнулась» в частицу, а в другом – в волну. Как понять, как осмыслить разные миры культуры, разные миры рациональности? Такая же революция, какая произошла в физике век назад, назрела в гуманитаристике и в философии сознания. Тем более что сегодня об этом как раз и говорилось – о плюральности логик, о плюральности математик. Не так ли обстоит дело, что именно наблюдатель производит эту плюральность? В действительности все готово для такой революции, и можно было бы эту идею использовать в Степинских чтениях, которые задумываются как ежегодные, и сделать одной из тем.

В.Г. Буданов. Это, несомненно, будет достойно памяти Вячеслава Семеновича и станет новой формой продолжения его жизни в нашем институте. Спасибо всем за искренность и творческую беседу, Вячеслав Семенович был бы доволен.

Science and culture coevolution in Vyacheslav S. Stepin's works Papers of the "round table"

Vladimir I. Arshinov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: varshinov@mail.ru

Fyodor N. Blyukher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: obluher@gmail.com

Vladimir G. Budanov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: bvg55@yandex.ru

Marina R. Burgete Ayala

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: burguete@mail.ru

Vladislav V. Cheshev

National Research Tomsk State University. 36 Lenina av., Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: vladislav.tcheschev@yandex.ru

Irina A. Gerasimova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 125315, Russian Federation; e-mail: home_gera@mail.ru

Sergey L. Gurko

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sgourko@gmail.com

Abdusalam A. Guseynov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: guseinov@iph.ras.ru

Larisa P. Kiyashchenko

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: larisaki@yasenevo.ru

Natalia I. Kuznetsova

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya Sqv., Moscow, 125993, Russian Federation; S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences. 14 Baltiyskaya Str., Moscow, 125315, Russian Federation; e-mail: cap-cap@inbox.ru

Vladislav A. Lektorsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; State Academic University for the Humanities, 26 Maronovsky Lane, Moscow, 119049, Russian Federation; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Vladimir E. Lepsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: lepsky@tm-net.ru

Vadim M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: rozinvm@gmail.com

Yakov I. Svirskiy

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: svirskhome@yandex.ru

Andrey V. Smirnov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: asmirnov@iph.ras.ru

Natalia M. Smirnova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: nsmirnova17@gmail.com

Vladimir L. Vasyukov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: vasyukov4@gmail.com

22 January, 2019 a «round table» discussion devoted to the memory of Vyacheslav Stepin was held at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. It was organized by the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, where Vyacheslav Stepin was one of the department's creators and closely collaborated with its research fellows ever since. Three major subjects that V. Stepin worked at were proposed for the discussion: 1) problems of technological civilization's crisis and outlook for natural science and humanitarian knowledge convergence; 2) evolution of the ideas of scientific rationality types in context of modern technological order formation; 3) cultural universals and their role in shaping global world development scenarios. All the discussion participants' talks demonstrate not only the wholeness of Stepin's diverse research interests and his heritage, but also directions and contexts variety where ideas and

concepts, constituting this heritage, find or are expected to find application. Participants of the Round table tell about Stepin's final achievements on the issues under discussion as well as about the evolution of their appearance, style and methods of the master's creative laboratory, his personal positions and leanings towards science and communication with colleagues and students. We learn a lot about the early researcher's life and work period, his social network and also about the development of philosophers of science scientific interests, when there was the era of "storm and onslaught" of the sixties. For the last ten years Vyacheslav Stepin considered his most important task to implement his megaproject about unified methodology for natural sciences and humanities. Ideas of this project were discussed.

Keywords: V.S. Stepin, post-non-classics, scientific rationality types, culture universals, technological civilization, synergetics, interdisciplinarity, complexity, philosophy of science, methodology